

Ярослав Александров

Охота на охотника

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ярослав Александров

Охота на охотника

«Автор»

2024

Александров Я.

Охота на охотника / Я. Александров — «Автор», 2024

Мы сталкиваемся со злом ежедневно, порой не замечая его. Зло бесконечно, оно порождается в безумных умах, в черной тьме подсознания. Оно способно подчинить себе слабого духом, оно непримиримо с человеческими благодетелями. Что если зло обретает форму и начинает кровавую игру на улицах мегаполиса? Схватка в которую невольно втягиваются все. Схватка, в которой есть проигравшие, но нет победителей. Схватка, цена поражения в которой слишком высока. Можно ли справиться со злом? Или переиграть его...

© Александров Я., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	20
Глава 4	22
Глава 5	31
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ярослав Александров

Охота на охотника

Произведение является плодом фантазии автора. Любые сходства с реальными людьми, местами или событиями случайны. Своим произведением автор не хочет никого оскорбить и не призывает к совершению противозаконных действий. Мнения героев книги могут не совпадать с мнением автора.

Пролог

Эта история относится к разряду полумифических, в том смысле, что большинство в нее не верит, а оставшаяся часть вздрагивает в ужасе. Такие истории расписывают в газетах, подробно и в то же время недостаточно, оставляя читателя в мучительном неведении, что только добавляет страха и дискомфорта. Эта история подтверждает, звери – рядом... Вот прямо тут!

Бабушки, пугая своих внуков, могут привести ее в пример, что, впрочем, не будет иметь результата, потому что в пересказе она не будет выглядеть страшно, а скорее всего – очередной сказкой, хоть и немного жесткой.

Она могла бы приключиться в 90-е и стать городской легендой, страшилкой, о ней мог бы быть снят выпуск "Криминальной России", что возвел бы в звание мифологических героев всех ее персонажей, сравнивая их с такими, как Чума, Солоник, Смеян, Муханкин, Спесивцев, Мадуев, Ряховский. Слухи и толки разносили бы ее во все концы страны, оставляя провинциалов в шоке и недоверчивом недоумении. "Они что там, в больших городах, с ума посходили, что ли?" – качали бы головой тетеньки и дяденьки.

Так могло бы быть, произойди она тогда... Но!

Она произошла в 201. году. На глазах у нас, а не у наших мам и пап. И мы, в силу своих способностей, умений и красноречия разносим ее. И видели ее не мифические существа без страха и упрека, а вполне живые люди, наши соседи и родственники. У части которых появилась еще одна фобия...

Эта улица всегда шумная и на ней всегда люди. Много людей, спешащих и неторопливых, местных и не совсем, любопытных и не очень. И много машин, чаще всего шикарных и дорогих.

Совсем недалеко центр города, огромная площадь со стоящей в центре исполинской колонной, глядя на которую сомневаешься, что она ни к чему не крепится.

Впрочем, этой улице тоже есть чем похвастаться. На ней вход на станцию метро, самую глубокую в городе. И эта улица знает и помнит много всякого, так что эта история только лишь зарубка в ее памяти.

Дорогие авто прибывали к входу в отель. Хлопали дверцы, импозантный швейцар с фирменной улыбкой распахивал дверь, легко шелестели флаги над входом.

Машины, выпуская пассажиров, устремлялись прочь, на смену прибывали новые, люди сменялись с частотой калейдоскопа. Туристы, бросая взгляды по сторонам, шли сплошным потоком, им не зачем было здесь останавливаться.

Впрочем, в этом непрерывном людском течении была одна фигурка, застывшая здесь, словно щепка, уцепившаяся за травинку, торчащую из воды, и стоявшая на месте.

Молодая девушка в коротком вечернем платье кремового цвета, едва спускавшемся до середины бедра, стояла у самого края проезжей части, не доходя пары метров до того места, где останавливаются машины.

Ухоженные волосы, водопадом опускавшиеся на плечи и ниже, удивительно гармонировали с платьем и было непонятно, что к чему подобрано. Матовая кожа, явно после посещения дорогих соляриев, была на пару оттенков темнее и волос с платьем, и сумочки с туфлями, что довершало образ. Аккуратно раскрашенное натуральной косметикой лицо делало ее похожей на мечту художника, который в своей тесной мастерской бьется над уплывающим образом, виденным во сне и раз за разом терпит фиаско. Человек попроще мог бы подумать, что она сошла с обложки модного журнала, что было бы полной безвкусицей и пошлостью и сказало бы об этом человеке больше, чем он сам бы того хотел.

Девушке можно было дать от двадцати до двадцати пяти, хотя вряд ли бы кто-то отважился спрашивать, настолько неприступно, дорого и непривычно она выглядела. Такие девушки, скрытые от чужих глаз почти глухой тонировкой, обычно смотрят на мир с пассажирских сидений автомобилей с ценой в которой цифр больше, чем в номере мобильного.

Эта скорее всего ничем от них не отличалась, просто ее автомобиль еще не подъехал. Морща вздернутый носик, то и дело поглядывая на часы на тонком запястье, девушка встревоженно смотрела на дорогу в сторону проспекта. Иногда она немного наклонялась, вытягивая изящную шею, всматривалась вдаль и разочарованно вздыхая вновь смотрела то на часики, то на экран телефона. На кукольном личике явственно читались досада, непонимание и раздражение.

Мужские взгляды скрещивались на ней, некоторые в попытке раздеть, некоторые с завистью: «И ведь трахает же кто-то!». Женщины же, благодаря своему природному фильтру – не замечать того, кто не может представить конкуренцию, спокойно шли мимо. И правда, девушка выглядела так, что их спутники предельно четко понимали – шансов нет! А многие мужчины, мазнув по девушке взглядом, цыкали и мысленно плевались. Ее профессия читалась на лбу и была выражена в каждом движении и в каждой детали.

А ожидаемый транспорт, тем не менее, все не ехал. Досады во взгляде было все больше, а милый пальчик бил по экрану телефона все ожесточеннее.

– Привет, красивая! Тебя как зовут?

Девушка даже головы не подняла. Она не то чтобы не услышала, но одаривать взглядом, того кто ходит пешком сейчас было бы глупо. Она слышала от подруг по бизнесу, что еще встречаются индивиды-романтики, которые пытаются присунуть нашару. Обычно после первой фразы, если не отвечать, они не находят, что еще сказать и пристыженно отчаливают гонять лысого дальше.

– Слышь, я к тебе обращаюсь!

Снова ноль эмоций. Такое тоже бывает. Дальше слов не пойдет. Гопники, даже те что могут избить девушку на улице, если не совсем психи, конечно, побояться делать это в центре города на глазах у сотни свидетелей, охраны отеля и патруля ментов у метро, которые за такое дело еще и лишатся небольшого приработка. Место людное, и чтобы исключить возможность, что какую-либо девочку обидят, охране еженедельно засылается копеечка.

– Ты че овца...

Мужская рука сильно сжала локоть и развернула девушку лицом к оппоненту. Перед ней стоял невзрачный парень лет тридцати в шортах и футболке навыпуск с умопомрачительно старой бейсболкой на голове. Во второй руке он сжимал бумажный пакет, откуда торчало стеклянное горлышко. И от него противно пахло пивом.

– Отпусти, дебил! Синяк останется! – сквозь зубы процедила она, вырывая руку и снова хотела отвернуться, считая разговор законченным, но парень не сдавался.

– А ты че такая наглая? Я же нормально подошел познакомиться.

Девушка тяжело вздохнула. Ни охране, ни ментам эта ситуация видимо не показалась опасной. Звать их самой было запрещено, да и орать на улице без надобности тоже не стоило. Будут коситься при случае, а это может повлиять и на круг знакомств. Придется разбираться самой. Она снова повернулась к парню.

– Ты че, мудака, не видишь? Ты с твоим ебалом пороссячим иди своей шмаре влупи под забором! А нет шмары, так дрожи, пока не отвалится! Думаешь, можно подойти и девочку на халаву развести!? Ты с Пряжки что ли сдернул? Пиздуй отсюда, пока ребята не подошли! – она кивнула в сторону полицейского патруля.

Парень поставил пакет на землю и шутиливо поднял вверх обе руки.

– Злая какая! Я думал, стоит девушка расстроенная, переживает. Надо подойти помочь, развеселить чем-то. Не пропадать же такой красавице. А выходит нет! ... Пропадать!

С этими словами, он легко, почти нежно провел ей ладонью по лицу. Девушка даже не сразу поняла, что случилось. Зажатое между указательным и средним пальцами лезвие глубоко, задев даже череп, полоснуло плоть. От вспыхнувшего ужаса он даже не сразу понял, что надо кричать, а парень уже второй раз провел рукой, словно стирал ей губную помаду.

Рот открылся неожиданно широко. Это была насквозь разрезана правая щека.

– А-а-а... – этот стон вырвался из глубины, руки оказались перехвачены точным движением, в глазах потемнело. А парень с грацией художника водил рукой, внося все новые штрихи.

Ноги подкосились, она стала заваливаться назад. Ударилась спиной о как раз проезжавшую сзади машину. От удара ее развернуло и бросило на брусчатку. Сознание не померкло и приподняв голову она увидела красное пятно на камне, увеличивающееся в размерах за счет того, что капало с ее лица.

Чудовищный визг огласил эти улицы, заставив людей шарахнуться, кого-то схватиться за сердце, а многих – просто ускорить шаг. Машины все также проносились, просто из-за начавшейся давки они уже не могли притормаживать у входа в отель.

Наконец подбежавшие охранники и патрульные с ужасом взирали на визжащее существо, боясь приблизиться. На них смотрела кровавая маска ужаса с кривой от разрезанной щеки челюстью, висящем на лоскуте кожи носом и вытекшим на подбородок глазом.

Спустя много часов по камерам наблюдения вычислят, что общительный парень, забрав бутылку и почти никем не замеченный и затерявшийся в толпе преспокойно зайдет в оставшуюся без охраны станцию метро и благополучно скроется в его недрах. В качестве улики останется лишь затоптанная на платформе брошенная им уже ненужная старая и безвкусная бейсболка.

Клац! Дзынь! Щелк! Вжик! Щелк! Клац!

Разрозненные детали различных форм и размеров раз за разом собирались в одно готовое изделие, затем вновь рассоединялись и аккуратно раскладывались на расстеленной на кухонном столе ветоши. Все они были тщательно смазаны и вычищены до блеска. Лучи солнца, проникающие через открытое настежь окно, играли на их гранях, отбрасывая крохотные солнечные зайчики на обои.

Но вот, в очередной раз собранные, безобидные железки приняли форму грозного пистолета, улегшегося на той же самой ветоши, и пока еще не представляющего угрозы, но уже источающего страх и опасность.

Именно поэтому человек, сидящий за столом и любил это занятие. Каждый раз, собирая и разбирая пистолет, он пытался понять, в какой момент железная игрушка начинает испускать волны ужаса, а в какой вновь превращается в бесполезный металлический хлам. Никакого успокоения, как у старых вояк, или ощущения уверенности, как у жуликов, бандитов или простых обывателей, это занятие тоже не приносило. Просто любопытство. Когда же? Но нет, этот момент всегда неуловимо ускользал от его сознания. Но, пожалуй, это было хорошо. Неразгаданная тайна всегда манит сильнее.

Человек встал, с хрустом потянулся, взглянул на настенные часы. Пора. Что-то засиделся. Почти три часа сидеть и заниматься одним и тем же, так и отупеть недолго, отругал он сам себя. Протер от лишнего масла оружие, затем вытер руки и стал собираться. Дел сегодня предстояло много. Спускаясь по лестнице, он в очередной раз прокручивал в голове весь алгоритм предстоящих действий и улыбался. Это могло показаться чудовищным тому, кто мог знать, куда этот человек идет и что собирается делать. Вот только никто этого не знал. Никто. Даже тот, кто просил его об этой, так сказать, «услуге». Что и не удивительно. Его тоже ждал сюрприз, и тоже сегодня.

Макушка и верхняя губа нестерпимо чесались от некачественного гримерного клея, но дотрагиваться до них было нельзя. Человек мог лишь вздыхать по этому поводу. Но ничего не

бывает совершенно идеально. А это, в сущности, такая мелочь. Отвлечь себя более приятными мыслями не составило труда.

Выйдя из подъезда, он бодро зашагал по тротуару, но через несколько метров встал, словно наткнувшись на невидимую стену. Резко повернул голову и вперился взглядом в открытые окна. Ну же!.. Так и есть! Он был уверен, что успел уловить в глубине квартиры взгляд маленьких бусин-глазок, провожавших его.

Уголок рта под наклеенными усами пополз в сторону, придавая и без того странноватому выражению лица немного пугающий оттенок.

Маленький тесный дворик на окраине города сегодня был необычайно весел и праздничен. Вся кавалькада разукрашенных и увешанных шарами и куклами машин в него, разумеется, не влезла бы никогда. Даже длинный белый лимузин, предназначенный для молодых, было решено оставить на улице. Во дворе ему было банально не развернуться.

Толпа, человек в шестьдесят, занимая почти весь дворик, шумела, улюлюкала и переругивалась. Почти все смотрели наверх, на окна последнего этажа, откуда вот-вот должна была показаться рука невесты и помахать букетом. Кто вспомнил этот обычай или, может, даже придумал его, оставалось загадкой, но только мать и отец жениха твердо стояли за то, чтобы он был.

Вскоре из подъезда во главе с тамадой вышли родители молодых и присоединились к толпе. Прокатился вздох облегчения. Наконец-то! Сколько можно? Это никому не нужное соблюдение традиций порядком всех утомило. Но никто этого вслух не говорил. Попробуй только! Всю свадьбу оплачивали родители жениха, а поэтому они и заказывали музыку. Тучный отец истинно номенклатурного вида, бывший партиец, а ныне уважаемый в определенных кругах человек, был ярким приверженцем старых порядков в бытовых вопросах. Сильно уступающая ему в комплекции жена тем не менее так же относилась к свадьбе старшего сына.

Наконец дверь подъезда распахнулась, и на улице показались молодые. Жених, уменьшенная копия отца, утомленный бесконечным выкупом, (шутка ли, два часа толкаться в подъезде, отвечая на странные вопросы и придумывая на ходу стишки, тем более с гудящей головой), поддерживал за руку, дефилирующую на высоких каблуках, вульгарно размалеванную невесту. Гости словно из последних сил закричали и засвистели, тамада, очевидно злоупотребивший своим положением, равно как и спиртным, заплетающимся языком выкрикивал какие-то бессмысленные вирши, защелкали вспышки фотокамер. Фотографы не спрашивали, зачем снимать молодых на фоне обшарпанного подъезда в замызганном и грязном дворе. Сказали – надо, значит надо.

Во всеобщем гвалте и восторге никто и не обратил внимания на проталкивающуюся поближе к подъезду фигуру. Этого человека не знали, но на него и не смотрели, принимая за гостя из другого лагеря родственников.

Молодые по указке родителей остановились на невысокой лесенке, для первой семейной фотографии. Жених высмотрел в толпе своих бритоголовых друзей и с отвязной улыбкой приветствовал их «козой» на вытянутой руке. Невеста же разглядывала толпу, скупающим взглядом скользя по лицам, пока не наткнулась на него...

– Ты?! Что ты здесь дела...

Договорить она не успела. Жених при первых словах повернувшись к ней голову и открывший было рот резко дернул головой и повалился назад. Первая и единственная пуля угодила ему в висок.

Переведя ствол на невесту, человек выпустил пять пуль, не целясь в определенное место. Он ни разу не промахнулся. Невеста тоже уже падала назад, а в повисшей тишине тамада, упиваясь своим красноречием и не замечая ничего вокруг, продолжал декламировать напутствия молодым, когда дикий визг женской половины толпы взорвал дворик. Люди заматались, заби-

лись по сторонам, братва рванула поближе к подъезду, лихорадочно работая локтями, чтобы пробиться.

– Скорую!.. – взывл мужской голос откуда-то сбоку.

Так продолжалось некоторое время. Когда же люди осознали, что хлопков выстрелов пистолета с глушителем больше не слышно и сконцентрировали взгляды, то увидели, что возле подъезда уже никто не стоит, и только на ступенях лежат два наряженных тела, так и не успевшие стать семьей.

Глава 1

– Земцов Максим Николаевич, одна тысяча девятьсот восемьдесят первого года выпуска, проживающий по адресу... Куда ты «выпуска» то пишешь? Совсем не отдупляешь, что ли? «Рождения» пиши, неуч! Так, где я остановился, – капитан полиции сверился с паспортом Максима и продолжил диктовать данные старательно пишущему протокол задержания лейтенанту, – проживающий ...

– Слышь, кэп, дай позвонить, – уже в который раз подал голос Земцов, с ухмылкой наблюдая за этим серьезным, во всех отношениях, процессом.

– Не положено, – наконец отозвался тот.

– С хера ли не положено? Ты что, околоточный, удостоверение купил, а на уголовный кодекс денег не хватило? – Максим понимал, что нарывается, но слишком уж накалила его ситуация.

– Откуда же ты такой умный взялся на мою голову? – капитан, широко расставив ноги, встал возле решетки. – И куда это ты звонить собрался? Адвокату, наверно?

Земцов по ту сторону тоже встал и глянул в упор, сквозь прутья, в глаза полисмена.

– Адвокату Званцеву! Капитан, ты же видишь, что я журналист, – он кивнул на документы в его руках, среди которых было и журналистское удостоверение. – Тебе проблемы с прессой нужны, или ты самый непогрешимый? Что, если я выйду отсюда и напишу сочинение в свободной форме на тему «Как я познакомился с внутренними порядками питерского подполья, или, почему полиция метро задерживает только несопротивляющихся правонарушителей». Ты ведь даже не представился. Подскажи, как твоя фамилия?

Мент скривился, как от зубной боли и, отвернувшись брезгливо бросил лейтенанту:

– Дай ему трубку.

Тот, помявшись, протянул Максиму радиотелефон. Недолго думая, Земцов набрал номер и, не обращая внимания на недовольное бурчание капитана, отвернулся вглубь камеры.

– Кира, здоров. Слушай, сразу к делу. Можешь меня забрать? На «Чернышевской», в опорном пункте. Да ничего я не сделал, за тетеньку заступился. Да, а когда стражи порядка прибыли, нападающие бежать бросились, и тетенька следом за ними. Чего следом не побежал? А у меня совесть чистая, от ментов бегать, – Максим покосился на хмуращего брови капитана и подмигнул соседке по камере, размалеванной девице, лет двадцати. – Понял тебя, держать рот закрытым! Жду!

Он вернул трубку, с чувством выполненного долга уселся на лавку и, облокотившись на стену, закрыл глаза. Продолжать писать протокол полицейские не стали, видимо поняли, что занятие бесполезное. Лейтенант погрузился было в книгу но, получив тычок от старшего по званию, вздохнул и открыл сейф. Достав и нацепив поясную кобуру с пистолетом, он отправился на обход территории. Сам же капитан, сняв и убрав в сейф свою кобуру, оседлал стул напротив камеры и принялся разглядывать сидельцев уставшим взглядом.

– Слышь, Моков, дай мне тоже позвонить. Адвокату, – подала голос девица. – А я тебе за это приятное сделаю, – она оттопырила правую щеку языком и поводила вверх-вниз.

Земцов, наблюдавший за ней из-под прикрытых век, удивленно перевел взгляд на мента. Тот же только тяжело вздохнул и посмотрел на часы. Он уже не был таким крутым, как три минуты назад. Поднявшись, поставил стул обратно за стол, достал из ящика книгу, раскрыл ее. Максим мельком взглянул на обложку. «Волки Кальи». Перевел взгляд на капитана. Мазохист!

Юная потаскуха открыла было рот, чтобы снова нахамить власти, но в этот момент дверь распахнулась словно от удара ноги, и в помещение ворвался, пыша праведным гневом, высокий пожилой представительный мужчина.

– Товарищ генерал!.. – вскочил со стула Моков, незаметно пряча книгу, но тот махнул рукой, мол, не до формальностей и повернувшись к камере, разразился яростным криком.

– Что же ты творишь, дрянь малолетняя?! Ты меня ни в грош не ставишь, так хоть мать пожалей. Что она натворила опять? – Не снижая тона обратился генерал к капитану, но тут же отвернулся. – А, какая разница! Очередную мерзость свою! – он продолжал кричать и ругаться, сыпать витиеватыми выражениями, и было видно, что в этом деле он настоящий профи.

Максим, при начале сцены попытавшийся слиться со стеной и очень надеявшийся, что получилось, в итоге заслушался и даже записал в памяти несколько выражений. Всегда приятно послушать грамотного оратора. Ха-ха. Девица же, закатив глаза, со скупающим видом ждала окончания словесной экзекуции.

Так продолжалось какое-то время. Потом сквозь крик генерала послышался стук в дверь, после чего она открылась и в помещение бодрым деловым шагом ввалился Кира. Плотная дверь скрывала все звуки и, попав на неожиданный «концерт», он немного растерялся. Наконец, воцарилась тишина, кричавший перевел дух и обратил внимание на вошедшего.

– Чего?

Генерал был в штатском, но Кира тонким ментовским чутьем определил начальство и гаркнул первое, что пришло в голову:

– Разрешите обратиться! Майор Кириллов!

– Обращайся, майор, – в свою очередь опешил генерал.

– Разрешите забрать заключенного Земцова из камеры для проведения следственных мероприятий, – вытянувшись в струну, отчеканил Кира.

– Этого? – переглянувшись с таращащим глаза Моковым, генерал, казалось только сейчас заметил вынырнувшего из режима секретности Максима. Потом разразился новым приступом крика.

– Что вы мне все голову морочите?! Забирай его и валите отсюда на хрен. Капитан, открой ему дверь!

Кира, чью принадлежность к внутренним органам выдавали форменные штаны и ботинки, скользнул взглядом по столу и, демонстративно забрав документы и личные вещи Земцова, вместе с недописанным протоколом, подтолкнул вышедшего из камеры Максима к выходу. Тот, решив внести свой вклад в царящую вакханалию, по-зековски заложив руки за спину, выходя из околотка затыкнул:

*Поднимет пыль аэродромную
Без нас комфортный самолет,
И поведет беседу втемную
Из ФСБ мордоворот.*

Получив сильный тычок в спину, Земцов сорвался с места и бросился бежать к выходу со станции, подгоняемый бегущим сзади, перепуганным, но веселым Кирилловым. Разносящиеся в отделении крики о разведенном бардаке, брошенном институте, не железных нервах и непростительном поведении, до них уже не долетали. Два взрослых мужика, как нашкодившие дети, выскочили со станции метро и, перегоняя друг друга, ломанулись прочь.

– Подведешь ты меня под монастырь, журналюга! – уже в машине проговорил Кириллов.

– Да ладно тебе, ментяра, ворон ворону глаз не выклюет, – развязно отозвался Земцов, потом добавил, – этот капитан, похоже, своей властью упивается, промурыжил бы до морковкиных...

– Не тебе его судить, – отмахнулся Кира. – Думаешь у него служба кайфовая? Ты лучше скажи, чего ты в такой блудняк влез? Больше всех надо что ли?

– Выходит, что больше, Андрюха, – Земцов вздохнул. – Я, может быть, второй Максим Горький, не могу пройти мимо, когда женщину обижают.

Повисла недолгая пауза.

– А что, Горький правда таким был? – Кириллов в школе учился плохо, что не всегда удавалось скрыть.

– Да вроде сам рассказывал. Не лично мне конечно, – Земцов поймал ухмылку друга.

– Ох, не соскучишься с тобой, Максим! – Кира вздохнул и добавил, – Горький!

Тот промолчал. Вновь повисла пауза.

– Слушай, Макс, – с напускной серьезностью начал Кириллов, – а ты не думал себе псевдоним поменять? – не выдержав, он засмеялся.

– Да пошел ты, мент неграмотный! – возмутился тот.

С Андреем Кирилловым Максим познакомился в непринужденной обстановке допроса в отдельном кабинете ночного клуба, где Земцов навел новые знакомства с целью поиска информатора и, ну совершенно случайно, угодил под рейд СОБРа, был неаккуратно положен лицом в пол, поскольку показался подозрительным и не успел вытащить документы. Допрос был не долгим и закончился препровождением в «аквариум» за явной грубостью клиента. Но, эффект был достигнут, Максима запомнили.

Тесть, полковник в отставке, приехавший вызволять Земцова, как оказалось, из цепких когтей своего бывшего подчиненного, послужил катализатором в начавшихся деловых отношениях, переросших со временем и в дружбу. Которая приняла такие масштабы, что Кириллов стал крестным отцом для Сони, дочки Максима. Для самого же Земцова такое знакомство было подарком. Приткнувшись к не самой последней в городе криминальной газете, он, как человек новый, нуждался в информаторе. Но вскоре и сам, обладая всеми навыками пройдохи-журналиста, обзавелся интересными знакомствами.

Паузу прервал телефон Кириллова. Поморщившись, он протянул руку и провел по экрану пальцем.

– Андрюха, у нас труп! Возможно криминал. По коням! – раздался в салоне голос из гарнитуры.

– Вадик, ты ради этой фразы в милицию пошел служить? – покачав головой, задал риторический вопрос Кира. – Чего названиваешь? У меня рабочий день кончился.

– Слушай, Андрюх, у нас и правда труп. Сгоняй по-быстрому туда-обратно. Все опера в разъездах, а ты на машине. Эксперты с прокуратурой уже выехали. Съезди, пожалуйста. С меня причитается.

– Знаю я ваши туда-обратно, – проворчал Андрей и перевел взгляд на Земцова.

Тот кивнул, мол, поехали. Такое уже бывало, он иногда выезжал с Кирилловым на вызовы. Почти всегда, если дело было не слишком секретным из него получался эксклюзив. Кириллов знал, что секретную инфу Максим выпускать не будет даже во вред себе и, не переживая по этому поводу, брал его с собой. Да и потенциальный понятий никогда не бывает лишним. Бывают же в природе различные симбиозы.

Развернувшись на перекрестке, серебристый «Дастр» рванул в противоположном направлении. Адрес находился относительно недалеко, минутах в двадцати езды, и от метро недалеко, в случае чего Земцов мог уехать сам. Внезапно ударившие заморозки в начале осени покрыли дорогу тонким слоем льда, и не переобувшемуся в зимнюю резину Максиму, жена Марина запретила на время пользоваться «Субариком». Спорить он не стал, потому что любил кататься на метро, а питерское ему еще не наскучило, поэтому он и не торопился готовить коня к зиме. Корка льда еще десять раз успеет растаять.

Уже заметно темнело, когда они заехали во двор и встали под разгорающимся фонарем. Дойдя до парадной, в которой уже возились эксперты и шелестела бумагой прокуратура, Кира

показал постовому у дверей ксиву и, бросив Земцову «я быстро», скрылся за дверью. Максим кивнул сержанту и приготовился ждать.

– Есть сигарета? – ежась, спросил охранник.

– Давно стоишь? – отозвался Земцов, протягивая пачку и зажигалку.

Тот, прикуривая, промычал что-то утвердительное.

– Сам не будешь? – спросил глядя, как Максим убирает пачку.

– Не курю.

– Журналист, что ли? – хмыкнул постовой, затягиваясь.

Земцов тоже усмехнулся. Прием нехитрый, старый как мир, но почти всегда срабатывает.

– Что там случилось? – он кивнул на двери.

– Не знаю, я не заходил, – пожал плечами сержант. – Жильцы труп обнаружили. Вроде девчонка молодая, вроде задушена... Только... Следачка покурить выходила, заторможенная какая-то. Ее зовут, а она не слышит. И в разговоре с экспертом сказала, что никогда такого не видела.

– Понятно.

Ждать пришлось довольно долго. Максим уже замерз и уже собирался через охранника передать Андрею, что уехал домой, когда тот выглянул из-за дверей сам.

– Макс, зайти-ка, разговор есть.

Угостив сержанта еще одной сигаретой, тот нырнул в тепло. Подъезд был чистый, ухоженный, несмотря на отсутствующий домофон, ничем не пахло, вот только света не было. На лестнице за первым пролетом и на самом пролете стояла пара переносных светильников, создавая в темном подъезде атмосферу нуарного американского детектива. Поднявшись вслед за Кирой на пролет, Земцов поздоровался с прокурором, уже зрелой, но все еще миловидной женщиной, и скосил глаза на лежащее тело.

Его словно током ударило. В первую секунду показалось, что это его Марина. Нет! Максим отступил на шаг, прижался спиной к стене. Не может быть! Закрыв лицо ладонями и сильно растер его. Он же звонил ей по дороге сюда, сказал, что немного задержится. Она дома! Дома. Вместе с дочкой. У них все хорошо. Они ждут его.

Постояв некоторое время зажмурившись, Максим открыл глаза и снова посмотрел. Нет, это не Марина, и даже не похожа, хотя лица почти не видно.

Как же долго их не было. Он надеялся, что приступы прошли совсем. Но нет, словно голодная хищная кошка в засаде, внутри сидел первобытный страх, каждую секунду готовясь к прыжку, выжидая самый удобный, самый незащитный момент, когда одним прыжком в сознание можно разрушить все – психику, мышление, и жизнь, как итог. Но не сейчас. Оторвав руки от лица, Максим глубоко вздохнул.

Тело молодой девушки лежало на ступенях, длинные светлые волосы были частично разбросаны по бетону, частично закрывали лицо.

Краем глаза Земцов увидел, как внимательно на него смотрит прокурор, а Кириллов что-то шепчет ей на ухо. Женщина внезапно в изумлении округлила глаза и посмотрела на Земцова еще внимательнее и с нескрываемым интересом. Все ясно, что он там шепнул. Конечно, не каждый день встретишь выжившего в «Московском инциденте»¹, как его официально нарекли журналисты. Максим уже привык, что на него смотрят, как на диковинного зверя, стоит только упомянуть об этом.

– С вами все в порядке? – осторожно осведомилась прокурорша.

– Да, вполне, иногда бывает, – Земцов слукавил, хотя ситуация и место действия не располагали к спокойному разговору.

– От меня что-нибудь требуется, раз позвали, – Максим проморгался.

¹ Подробно о событиях «Московского инцидента» описано в книге «Волна безумия», того же автора.

– Лидия Сергеевна? – вопросительно посмотрел на прокурора Андрей.

Та лишь едва заметно пожала плечами. Было видно, что идея пригласить Земцова принадлежит не ей. Кириллов протянул ему пару одноразовых перчаток и подошел к экспертам.

– Как ее? – спросил Максим, аккуратно натягивая тонкие хлипкие перчатки.

– Ударили тупым предметом по голове, а потом задушили в бессознательном состоянии и... еще кое-что... – Лидия Сергеевна тяжело вздохнула. – Во рту у потерпевшей было обнаружено вот это, – она кивнула на плотный конверт в руках подошедшего Кириллова.

– Глянь, Макс, мы не поняли, что это, – Андрей достал из конверта листок бумаги и подал Земцову.

Максим осторожно, словно тот мог развалиться от неосторожного движения, принял его и внимательно разглядел. Сильно смятый лист небольшого формата, с одним неровным краем, видимо, вырванный из книги, причем сравнительно старой.

– Смяли в комок и в рот ей затолкали... – начал было Кириллов, но прокурорша его прервала.

– Я иду на должностное нарушение, пригласив сюда вас, поэтому надеюсь на вашу порядочность. Если бы не рекомендации Андрея, я бы вас не приглашала и ...

– Не беспокойтесь, – в свою очередь прервал ее Максим. – От меня информация никуда не уйдет, не смотрите, что я журналист.

Он сосредоточился на тексте, а прокурорша с майором о чем-то тихо переговаривались. Текст начинался не сначала предложения, его вырвали на первый взгляд хаотично, в углу страницы стояло нумерационное число. Никаких пометок, выделений, посторонних записей на листке не было. Получалось, его просто выдернули из книги и затолкали в рот жертве. Земцову не потребовалось много времени, чтобы установить источник. Не дочитав и первую страницу, он заявил:

– Это «Остров ГУЛАГ»!

– Чего? – вытаращился на него Кириллов.

– Долженицын Алексей Иванович, – Максим протянул ему листок. – Книжка старая, возможно еще советская, по тексту разбирайтесь сами, я не вижу связи текста с этим делом, – он кивнул на экспертов.

На этом дела Земцова на месте происшествия были закончены. Кириллов отправился на опрос жильцов, Лидия Сергеевна, поблагодарив, принялась писать протокол под диктовку эксперта. Спускаясь по лестнице Максим услышал:

– ...ее принесли и оставили в этой парадной уже после.

– Странное положение тела.

– Оно успело окоченеть, когда ее привезли сюда. Либо долго везли, что маловероятно, либо долго держали уже мертвую. Установить время будет сложнее, учитывая, что над телом совер... – остаток фразы прервала хлопнувшая дверь.

Выходов из двора было два. Один вел за угол дома и терялся в хитросплетении соседних дворов, другой же выходил на оживленную улицу. Земцов направился к нему. Выйдя в арку, он сориентировался, в какой стороне находится метро и, подняв воротник куртки, побрел в туда.

В голове роилось множество мыслей, но ни одну ухватить не удавалось. В конце концов, решил, что лучше дожидаться, что расскажет Кира, самому делать выводы рановато.

Он обратил внимание на светящийся витринами магазин одежды через дорогу. Только не на сами витрины, а на крыльцо, точнее на висящую над входом камеру видеонаблюдения. Быстро перебежав дорогу и подойдя ближе, Максим проследил, в какую сторону повернута камера и прикинул, что в нее может попадать и выезд из арки. Бросив взгляд на название магазина и расписание работы, Земцов вытащил телефон и набрал номер Кириллова.

Глава 2

Летучка в кабинете полковника Нимберга проходила по своему обычному сценарию. За окнами четвертого этажа отделения завывал на все голоса ветер, напоминая строки нетленки Пушкина. В самом же помещении было, тепло, но атмосфера была несколько накалена. Петр Григорьевич восседал за своим столом, как всегда, сух, деловит и лаконичен. Сегодня он был немного не в духе, и почти все присутствующие понимали, почему. Оперативники, каждый по очереди достаиваемый взгляда начальства, отчитывались о проделанной работе, новых заявках, планах раскрытия и т.д. Все шло, как обычно. На первый взгляд. Чем меньше становилось отстрелявшихся, тем чаще взгляды останавливались на Кириллове, который с ненатурально скучающим видом, сидел в конце стола, дальше всех от начальника и смотрел прямо перед собой.

Вскоре остался только он один. Отчитались все, вплоть до стажеров, лейтенантов Осокиной и Бессоновой. Повисла тягостная пауза. Опера, сидящие на одной с Андреем стороне стола, дружно подались назад, на спинки стульев, открывая Нимбергу обзор на сотрудника. Все, как один, ожидали разноса.

– Ладно, Андрей Андреич, чего прячешься, думаешь все, забыли про тебя? Давай, рассказывай, что наработал?

Кириллов уныло посмотрел на Петра Григорьевича. Тот сидел, сама строгость, и хмуро рассматривал подчиненного. Тон же его при этом, оставался вполне спокойным. Оставив эту загадку на потом, Андрей открыл папку. Нимберг не требовал от сотрудников при докладе вскакивать, как ученик перед учителем, поэтому не вставая с места, Кириллов начал.

– Двадцать пятого сентября, сего года, в парадной, дома по адресу ..., так, ... было обнаружено тело двадцатисемилетней гражданки Ланской Натальи Александровны. Причина смерти установлена, асфиксия. Ее задушили в бессознательном состоянии. Орудием убийства является личный шарф потерпевшей, обнаруженный рядом с телом. Так же, из следов насилия, на теле обнаружены гематома на затылке от удара тупым тяжелым предметом, небольшой свежий порез на левом виске, нанесенный, предположительно, скальпелем. Его назначение выяснить не удалось. Следов изнасилования нет, отпечатков пальцев на теле и личных вещах тоже не обнаружено...

Повисла пауза.

– Ну, Андрей, чего ты молчишь?

– Из тела слита вся кровь, – проговорил Кириллов глухо. – Я боюсь, что ничего не могу сказать об этом. Эксперты не обнаружили каким образом, то есть нет никаких наружных ран, через которые это можно сделать... Труп, это установлено, был подкинут в парадную этого дома. Крови нет ни в подъезде, ни на улице.

– Она могла погибнуть в результате обескровливания, – робко подала голос одна из стажеров.

– Эксперт предположил, что ее слили после... – Кириллов откашлялся. В организме обнаружен препарат, разжижающий кровь. На щиколотках следы веревок. Судя по расположению, ее подвешивали за ноги, когда сливали.

– Это как... – Нимберг снял очки и посмотрел на Киру, – Почему я это только сейчас...

Но, незаданный вопрос остался без ответа.

– Обход подъезда и близлежащих домов, как обычно, ничего не дал. Никто ничего не видел, не слышал, не знает. Эксперты утверждают, что жертва была убита где-то в другом месте, тело в подъезд подбросили позднее. Сроки, как и время смерти сейчас уточняются, но навскидку могут сказать, что прошло больше суток...

– Так долго? – вырвалось у кого-то из оперов.

Андрей пожал плечами. Он уловил напротив себя через стол горящие огнем глаза стажерки Осокиной, направленные на него и откашлялся, стараясь скрыть смущение.

– Заключение экспертов еще нет. Далее. Во рту у жертвы обнаружена вырванная из книги страница. Пометок, каких-то надписей на ней нет, отпечатков тоже... Нет так же и следов крови...

– Что за страница? – вскинул брови Нимберг.

– «Остров ГУЛАГ», Долженицына, – Андрей посмотрел на начальника. – Авторство определено, но по смыслу подтянуть его к делу не получается. Бессмыслица какая-то. Может быть, мы чего-то еще не знаем, и в дальнейшем...

– Все-то у тебя не сейчас, позже, в дальнейшем! – голос Петра Григорьевича зазвенел металлом, – Ты сейчас уже что-то конкретное можешь сказать?

– Могу! – Кириллов не испугался. – Убитая является дочерью Александра Витальевича Ланского, все вы его прекрасно знаете. И, наверно, уже понятно, что наш местный олигарх не будет сидеть и ждать окончания расследования, как обычный человек. И в случае нашей неудачи, нетрудно догадаться, кто примет на себя все шишки...

– Хватит! – вновь обрывая речь подчиненного, хлопнул ладонью по столу покрасневший Нимберг. – Совещание окончено, всех прошу удалиться и приступить к работе. Кириллов, останься!

Оперативники спешно подскочили с мест и, не поднимая глаз, удалились. Вышедшая последней, старший лейтенант Осокина, ободряюще улыбнулась Андрею и закрыла за собой дверь.

Петр Григорьевич немного постоял, уперев руки в стол, затем выпрямился:

– Андрей, ты бы хоть на людях показывал, что, хотя бы немного меня боишься. Не перебивай, – отмахнулся он от открывшего было рот Кириллова, – и так уже всю мою реплику сказал. Лучше скажи, план мероприятий у тебя есть?

Кириллов с улыбкой смотрел на шефа. Петр Григорьевич был из той породы людей, за которыми все чувствуют себя за каменной стеной, и родные, и подчиненные, даже новые знакомые подсознательно это чувствуют. Даже в строгом лице, в каждой его черточке читалось это редкое, но такое незаменимое качество. Он вполне смотрелся бы и по телевизору, занимая, какой-нибудь высокий пост. Андрей иногда ловил себя на мысли, что сравнивает его с Сергеем Лавровым. Честность, жесткая и неподкупная, холодная голова, горячее сердце, чистые руки... к Григоричу подходила любая характеристика слуги государева.

– Готовится, Петр Григорьевич. Я, вот только, не все успел рассказать.

– Что еще?

– Со двора, где нашли тело, ведут два выезда, один попадает в камеру наблюдения магазина...

– Посмотрел?

– Так точно. В основном легковушки, и почти все опознаны, владельцы живут в этом дворе. Качество видео так себе, но машин немного, все примелькались.

– Быстро справились. Ну и? – от взгляда Нимберга, казалось, было не скрыться.

– Был еще один микроавтобус. Его не опознали и, якобы, во дворе никогда не видели. И здесь загвоздка. Из-за качества записи не разглядеть ни номер, ни марку, ни даже цвет. По форме похож на «фольксваген», но очень плохо видно. Цвет либо серый, либо синий, либо грязно-белый.

– Даже если и «фолькс», знаешь сколько таких в городе будет? – Петр Григорьевич раздраженно выдохнул, пожевал губами в раздумьях. – Хотя ладно. Делай запрос «дорожникам», я договорюсь вне очереди, пусть сделают распечатку со всех камер в округе. Может, где чего и проскочит.

Кириллов подавил улыбку. Нимберг объяснял с таким видом, будто опер сам бы до этого никогда не догадался. Но, не стоило на него наговаривать. Старый конь борозды не испортит. Григорич, несмотря на годы остался матерым сыскарем, в маразм не впал.

– У тебя еще что-то? – заметив, что опер не собирается уходить, спросил начальник.

– Да как сказать, Петр Григорьевич, – издалека начал Андрей, – у меня все из головы эта страница не идет. К чему она? Что означает? Ведь не просто так убийца ее оставил. Да и текст, мягко говоря, специфический. Думаю, можно в архиве пошерстить, вдруг там что-нибудь всплывет...

– Делать тебе больше нечего? Работы мало? Ты только скажи, уж я завсегда подкину. Дался тебе этот архив. Иди, лучше знакомых опрашивай.

– Послушайте, страница не первая, не пятая, и даже не пятнадцатая. Либо в ней какой-то глубокий смысл, который мы не понимаем, либо другие страницы могут еще где-то фигурировать.

– Ты к чему ведешь? – Нимберг хмурился все сильнее.

– Если вдруг выяснится, что это начало или продолжение серии, а мы будем не готовы...

– Да ты в своем уме?! – Петр Григорьевич аж подпрыгнул на месте. – Я тебе дам, серия! Чтобы больше я этого не слышал, во всяком случае пока... – он осекся на полуслове.

– Пока второго эпизода не будет, – Закончил за него Кириллов. – Петр Григорьевич, я ведь не отмазку от работы ишу, мне кажется, из этого может чего и получиться.

– Ладно, займись архивом. В помощь бери себе стажерку, а ладно – обеих, отправь в делах копаться, им полезно будет.

– Только стажерок? Они же тут без году неделя. Дайте еще кого-нибудь. Такой фронт работы предстоит, что...

– Ладно, ладно, кровопийца! Бери себе еще напарника, сам выбери, скажи, я приказал. Все, иди искать убийцу. Ты и так мне нервных клеток на неделю вперед потратил. И только попробуй не найти! Ланской нас тут всех тогда...

Что сделает олигарх с их отделом, а может и со всем МВД, он говорить не стал, но было и так понятно. Плотно прикрыв за собой дверь, Андрей подмигнул секретарше шефа и отправился на поиски стажерок.

Это его не сильно вдохновляло. С самого первого дня появления их в отделе, а конкретно появления Осокиной, по отделу поползли слухи о том, что она пришла искать себе крутого жениха-мента. И как назло, вынужденный холостяк Кириллов оказался первым на очереди. Хотя женщин в отделе было немного, но мужики потрепаться любят не меньше, и сплетни все ширились и обрастали подробностями. И, собственно было отчего. Сохраняя видимость приличия на людях (именно видимость, она и не старалась скрыть свои намерения), оставаясь в редких случаях с Кирой один на один, Маргарита начинала вести себя иначе, и вся ситуация начинала походить на прелюдию в порнофильме. Трудоголика Кириллова, уже раз обжегшегося на служебном романе, все это дико выбивало из колеи, вернуться в которую удавалось со скрипом. Это и неудивительно. Стройная улыбчивая девушка, хоть и не без доли надменности и жеманства, она поднимала настроение одним своим появлением в помещении. Большие зеленые глаза смотрели в самую душу, туда, где она еще не зачерствела за время работы. А улыбка и впрямь почти не сходила с лица. Кириллов иногда ловил себя на мысли, что эта девушка сошла с плаката какой-то мелодрамы, но обязательно со счастливым концом. Что же касается профессии, она не хватала звезд, ну или делала вид, что не хватает. Однажды одним ловким вопросом на допросе она порушила хитрую защиту задержанных стрелков, после которой у них не осталось шансов. Смешно было, прием избитый, показанный в кино, но тем не менее сработал. «У кого ствол заклинило?» Эта фраза стала крылатой в отделе и всегда сопровождалась громким одобряющим смехом. Такого на памяти не было даже у матерых сыскарей – вот так расколоть двоих мокрушников при допросе под видеозапись.

Анна Бессонова была попроще в общении, исполнительнее в работе и пришла в отдел, странное дело, из армии. Она сразу получила своеобразный статус «не дает» от мужской части коллектива, но при этом оказалась своей в доску, схватывала нюансы новой профессии на лету и первый свой авторитет заработала тем, что смогла выпить стакан водки залпом. Однако, получить заслуженное уважение она смогла, задержав троих наркоторговцев, пытавшихся скрыться с сорвавшейся сделки. Операция пошла не по плану с самого начала, и когда Бессонова оказалась одна против троих отмороzków, которым уже нечего было терять, было уже поздно отыгрывать назад. Но, как оказалось, и не нужно было. Первый отправился в нокаут от ловкого удара ноги, второй упал, схватившись за простреленную ляжку. Третий же после недолгой погони выхватил нож и попытался отбиться, но совершил этим фатальную ошибку. По итогу ему досталось больше всех. Сломанное ребро, три пальца на руке, плюс сотрясение мозга, а нож с отпечатками послужилотягчающим обстоятельством, одновременно развязывая руки задержавшей преступника стажерке.

Все это было, конечно, отлично, но опыта в оперативной работе не добавляло. Девушки пока воспринимались как ученицы. У многих оперов не было даже веры, что девчонки продержатся хоть полгода. Были предприняты неловкие попытки флирта, окончившиеся, впрочем, ничем. Анна оказалась слишком разборчивой, а Осокина уже свой выбор сделала, поэтому стажеров оставили в покое. До поры, до времени.

Третьим напарником Андрей сразу решил взять Саню Трофимова, с которым вот уже пять лет делил кабинет. Парень с головой, будет полезен.

Реакция Нимберга на возможность серии убийств была Кириллову понятна. Петр Григорьевич оттрубил в органах больше тридцати лет. Поступил на службу, сразу после армии, в самом начале восьмидесятых, в небольшом городке в Ростовской области. И лично видел, и даже в какой-то мере участвовал в деле поимки ростовского потрошителя Чикатило. Как у зеленого лейтенанта, после двенадцати лет бесплодных поисков, тыканий в темноте, осталась вера в правоохранительные органы, было удивительно.

Ненависть к садистам, насильникам, педофилам, и просто убийцам, Нимберг пронес сквозь всю службу. Его историю Андрей узнал, что называется, из первых рук, на проводах на пенсию его бывшего начальника и учителя, полковника Алексея Ларина. Интересная тогда вышла компания, два полкана и тогда еще капитан, говорящих на равных. Ларина к старости совсем замучила старая рана, он ушел рано, но на смену пришел не менее опытный Нимберг. Из-за этого отдел в шутку стали называть «филиалом Советского Союза», где одного деда на верховном посту меняет другой.

С новым начальником отношения были сложнее, Кириллов редко держал свое мнение при себе. Он уже привык постоянно быть в опале, но работать умел, и поэтому пока на службе держался.

Глава 3

Дверь магазина хлопнула, выпуская юную покупательницу на улицу. Щурясь от яркого утреннего солнца, девочка тоненькими пальцами разрывала обертку «сникерса», улыбаясь своим нехитрым и легким мыслям. Свежий ветерок трепал длинные распущенные волосы, охлаждал кожу под футболкой. Она направилась в сторону детской площадки, самой крупной среди этих дворов. Наверняка там уже гуляет кто-то знакомый.

Людей на улице было много. Огромный бедный район, застроенный малосемейками, кипел жизнью. Люди сновали туда-сюда, задумчивые и безразличные ко всему. Им не было дела до солнца, до хорошей погоды, до улыбки ребенка, идущего им навстречу с шоколадкой в руках. Равнодушный взгляд скользил по прохожим, по мусору, разбросанному по аллее, по машинам мчащимся по дороге рядом, по серым пыльным домам, слеplенным казалось из того же мусора. Он мог бы зацепиться за улыбку, за веселый прищур маленькой девочки, которой после каникул предстояло переходить во второй класс. Что-то светлое должно было вспыхнуть в мозгу, заставить тоже улыбнуться, подмигнуть ей, может даже остановиться, спросить, как дела, где родители этого маленького комочка счастья, не страшно ли ей на улице одной, не нужно ли проводить ее.

Но люди шли мимо, такая мысль даже не могла родиться в их мозгу. Словно, запрограммированные каждый на свою цель, они плелись к ней, не обращая внимания ни на что. Безучастные невидящие взгляды скользили по окружающему пространству...

Так же безучастно скользили они и по человеку, идущему позади девочки метрах в тридцати. Среднего роста, он был одет в старый потертый джинсовый костюм, на ногах были новые, но уже грязные и потерявшие свой вид кроссовки. Блеклое, казалось бы, вылепленное по стандарту лицо было из тех, смотря на которые, уже понимаешь, что не помнишь его, хоть оно и перед глазами.

Человеку лет тридцать, может тридцать пять, не сказать точнее. И он – сама серость. Он и сам был в этом уверен. Он знал, что все взгляды идут сквозь него, словно сквозь пустое место. Он и был пустым местом. Таким же как все.

Единственное, чем он был примечателен – это глазами, но спрятав их под козырек бейсболки, он был невидим для окружающих. Он видел цель. Она была в тридцати метрах от него, ничего не подозревающая. Он шел за этой целью.

Обертка от шоколадки полетела в урну, девочка весело улыбаясь облизнула пальцы. Вот уже и пешеходный переход со светофором, а за ним и поворот к детской площадке. Красный. Она дисциплинированно встала в ожидании зеленого.

– Катя, это ты?

Она удивленно посмотрела на мужчину, вставшего рядом с ней.

– Да... а вы...

– Помнишь, я двоюродный брат твоего папы, мы у вас в гостях были. Или забыла уже?

– Нет... – девочке было немного стыдно, но врать что помнит было еще неудобнее.

– Ну ничего, ты еще тогда совсем маленькая была. Как дела у папы?

– Нормально. Только он спит сейчас, вчера поздно домой пришел, устал сильно, шатался.

– А мама не ругалась?

– Мама не живет с нами... – глаза девочки увлажнились, но добрый дядя тут же уловил это.

– Слушай, – заговорил он еще веселее, – а давай я твоего папу навещу сейчас. Только, проводишь меня? А то я уже адреса не помню. А по дороге в магазин зайдем, я торт к чаю куплю. А?

Катя посмотрела в сторону площадки. Там играли дети. Но и тортика вдруг сильно захотелось.

– Ну ладно, пойдемте, а в какой магазин зайдем?

– Слушай, а чего идти, давай заедем! У меня машина недалеко стоит, – дядя показал в сторону гаражей. – Заедем в большой магазин купим самый вкусный торт. Пойдем? – он протянул девочке руку.

Катя шла рядом, держась за влажную потную ладонь незнакомого человека, думая о том, как обрадуется папа гостям и тарту и как похвалит ее, что она привела его двоюродного брата.

Ее маленький и светлый мир не мог и помыслить о том, что через восемь месяцев ее обезумевший от горя отец, узнав о страшной находке поисковиков, попытается вскрыть себе вены в туалете клиники, куда его положит бабушка, его мать, полностью поседевшая от горя и переживаний.

Глава 4

Наверно самым сложным, одновременно, как и самым страшным и чудовищным в своем безумии проявляется в мировой криминалистике такое понятие, как серийный убийца без выраженного мотива. Мы привыкли таких называть маньяками. Это, кстати, не совсем верно, только наполовину. Маньяком можно назвать любого человека с ярко выраженной маниакальной идеей. Трудоголик, заикленный на своей работе – тот же самый маньяк. Только кому он несет вред своими действиями. Разве что самому себе! Это, согласитесь, не так страшно. Куда хуже, когда, например, подобный субъект начинает коллекционировать мусор с близлежащих свалок в своей квартире. Это может быть чревато принудительной госпитализацией и, в худшем случае – выселением и потерей квартиры. И уж совсем никуда, когда подобный индивид вдруг начинает думать, что станет жить лучше, начав убивать других людей, в силу одному ему известных причин. Вот таких наша непредвзятая в некоторых случаях пресса традиционно и нарекает маньяками. В основном, когда журналисты начинают раздувать пламя, на счету у душегуба уже не одно, не два, а уже порядочная серия убийств. И объявить его маньяком не составляет труда.

Правоохранительные органы предпочитают более простой термин – серийный убийца. Они, в силу своей службы, вынуждены работать не с домыслами, предположениями или сплетнями. А с тем, что может быть материально или документально подтверждено. С фактами. В наше непростое время обыватели все чаще забывают, что вину надо доказывать, что линчевание вне закона, что профессия законника не так проста, как показывают по телевизору. И как ни странно, к серийникам это тоже относится. Один случай расследуется как обычное нападение или убийство, а вот уже при повторении делаются определенные выводы и может произойти слияние дел. Есть расхожее правило: один эпизод – случайность, два – совпадение, три – закономерность. А зачастую бывает, что и после четвертого, и пятого, и даже десятого – по какой-нибудь причине уголовные дела не объединяются. Причины могут быть самыми разными, но почти всегда сводятся к тому, что правоохранители не хотят признать, что на их территории действует серийник. Иногда это доходит до абсурда. Взять того же Чикатило. Сейчас редко встретишь упоминание о так называемом «деле дураков». Или, например, в соседней республике орудовал такой милейший и уважаемый дяденька по фамилии Михасевич. За его художества незаслуженное наказание понесли четырнадцать человек. Вдумайтесь! Четырнадцать! Если не говорить о преступной халатности органов, тут ничего другого на ум не придет.

Серийные убийцы были всегда. Просто не всегда так назывались. Возможно, древние поверья про вампиров, оборотней, вурдалаков и прочих упырей – это попытка темного неграмотного народа объяснить природу этих чудовищных явлений. Это сейчас можно определить, почему тот или иной человек, живя на показ обычной жизнью, имеет и вторую – зверскую нечеловеческую личину. Кто раньше мог подумать, что человеческая психика – не просто набор норм поведения в обществе, которые навязываются каждому индивиду. Что это – сложный жизненный опыт, из которого складывается мировоззрение человека. И опыт этот у каждого свой собственный. Как можно судить о человеке, не зная его прошлого? Люди хитры, за всю историю человечества он научился обманывать, притворяться, мерить чужую личину, скрывать от всех свое истинное нутро. Человеческое общество само порождает серийных убийц.

Не стоит утверждать, что самый известный из них, Джек Потрошитель, был первым. И даже не его первого так называли. Термин «серийник» придумали американцы. ФБР. В семидесятых. Около полувека назад. А кто скажет, когда они появились? Мир был страшнее, нормы и порядки суровее. Мы знаем о Жеводанском звере, как о некоем проявлении жестокости, но не знаем, сколько было сожжено людей во время инквизиции. Есть много задокументированных случаев сожжения детей лет от девяти-десяти, по подозрению в колдовстве. О времена,

о нравы! Мы застываем в немом шоке и не можем сказать ни слова, а тогда... тогда ребенок считался тем же взрослым, только маленьким. Сейчас об этом не снимут кино, не напишут книгу, но в те времена это может быть и не было нормой, но точно не повергало людей в ступор. Может, поэтому о маньяках и нет информации в источниках раньше девятнадцатого века. Кто посчитает, сколько крестьянок барон замучил в своем подземелье, после чего в благоговении кланяется королю. Который тоже наверняка не так прост, как пишут в учебниках. Конечно, вы обязательно возразите, кто же тогда леди Батори, жившая в шестнадцатом веке, или наша Салтычиха, которую Екатерина Вторая разжаловала из «людей». Они тоже серийницы. Вот только, необычные. Они оставили след в истории, «прославились» в веках. И относятся к ним сейчас, как к, своего рода, сказкам. А кто через сто лет вспомнит Иртышова, Оноприенко, Ионесяна, Спесивцева, Ряховского, Джумагаллиева, Кулика, Шувалова? Сколько они причинили горя? Меньше? Численно-то конечно, меньше. Но ведь, не скажешь так родным их жертв. Терминатор с Мосгазом уже никому не навредят, а Игорек Иртышев до сих пор небо коптит. Вот скажите, заслуживают они памяти людской?

Да даже если и не заслуживают – мы запомним их! Вопреки всем мнениям – мы помним зло! Мы помним жестокость, мы ее априори не прощаем, ненавидим! Боимся, ужасаемся! Но в очередной раз, узнав о поимке злодея разводим руками. Кто же знал? Даже не догадывались!..

Петр Григорьевич Нимберг замолчал, остановив плавающий взгляд на пустой рюмке. Земцов с сожалением выключил цифровой диктофон и убрал в карман. Полного экскурса в историю серийных убийц от начальника убойного отдела не получилось. И неудивительно. Откупорили уже второй литр «Финляндии».

– Мне особенно понравилось ваше определение психике, – он предпринял еще одну попытку увести разговор с этой очень болезненной темы. – Вы на психолога не учились?

– Ты, зятюшка, пожалуйста, не скалься, – вступился за боевого товарища полковник Ларин. – Петр Григорьевич знает, о чем говорить, и в какое время.

Максим вздохнул, но промолчал. Куда там? Пьяные менты даже не заметили, как от несъедобной темы из-за стола исчезли все дамы. Что им его жалкие попытки пошутить. Любое застолье у людей одной профессии рано или поздно в разговоре перейдет на нее. Но не в этом случае. День рождения тестя сразу же превратился в оперативное совещание. На тосты и поздравления никто особо не реагировал. Первый литр водки размыл границы, но служебный долг строго заставлял держаться выбранной темы.

На кухне, оборудованной на просторной и уютной веранде дачи Алексея Николаевича Ларина, под лампой с узорным абажуром, из женщин оставалась лишь Марина, и то, по просьбе Земцова. Но, она возилась у плиты, раковины и шкафчиков, как истинная женщина, найдя себе дело на ровном месте. А два полкана и майор Кириллов увлеченно обсуждали проделанную и предстоящую работу. Максим поначалу пытался сменить тему и вернуть за стол женщин, но потерпел полный провал. Теща с женой Нимберга ушли бродить по вечерним сумеркам в просторном, но уже облетающем саду дачного участка.

В принципе Земцов понимал Нимберга с Кирой, которые последние две недели впихивали, как буйволы, и уже не могли переключиться с темы работы, даже в день рождения Ларина, под которое подгадали единственный выходной. И тестя он тоже мог понять. Алексей Николаевич, давно отошедший от дел, в душе вновь рвался на работу. Ведь бывших ментов не бывает.

А работа была проделана титаническая, а сколько ее осталось, не смог бы сказать и астролог.

За это время были опрошены все жилыцы дома, где было обнаружено тело Ланской, жилыцы соседних домов, родные, друзья, сокурсники, преподаватели. Проверялись все бывшие бойфренды, просто знакомые, те с кем у потерпевшей были конфликты или разговоры на

повышенных тонах. Выдвигались версии одна за другой. Кто-то всерьез предложил, что таким образом хотели наехать на самого Ланского. Была версия о брошенном молодом человеке, который не перенес обиды. Все они отрабатывались и, одна за другой, отсеивались.

Убитая не была идеалом во всех проявлениях, но и не вела себя, как типичный представитель золотой молодежи. Училась в обычном институте на маркетолога, не гнушалась передвигаться на метро. Ее отец, Александр Витальевич, конечно, пытался приставить к ней машину и охранника-водителя, но своенравная дочь наотрез отказалась. По крайней мере, жила не в общежитии, а в собственной квартире.

На момент трагедии она ни с кем не встречалась, бывшие бойфренды хором отвечали, что расстались полюбовно. Наталья была со всеми мила, и, казалось, врагов и завистников у дочери олигарха нет. Как и подозрительных знакомств. Она избегала шумных тусовок, клубов, больших компаний, предпочитая им уединение с книгой или прогулки на природе. Единственная подруга, она же сокурсница рассказала, что Наташа умела быть общительной и доброй, равно как и скрытной настолько, что клещами не вытянешь и слова.

Александр Витальевич Ланской первое время лично курировал ход расследования. Не без его участия был создан оперативный штаб, куда стекалась вся информация. Хотя на бумаге все было красиво и функционально, на деле же он состоял из четырех человек. Кириллова и Трофимова с двумя стажерами. Нося гордое звание опер штаба, этот квартет, даже не получив отдельного помещения, почти все время проводил в архивах. На Осокину с Бессоновой надежд было немного, опыта работы с архивными документами у них явно не хватало. Андрею и Александру приходилось работать за двоих каждому. Но, вскоре, олигарх от переживаний слег и вынужден был отправиться на лечение за границу. Опера и начальство вздохнули спокойнее. В любом деле нужны профессионалы, и чтобы им не вставляли палки в колеса, так что, на время оставшись без ценных указаний олигарха, никто из них не расстроился.

Кира, помня о вырванной странице, внимательно вчитывался в дела прошлого, сводки происшествий, и старался уловить связь убийства с книгой. А потом случилось непредвиденное.

Разосланные по области ориентировки, спустя полторы недели, стали возвращаться с ответами. И вместо сухой отмазки, типа, «не выявлено», «не в курсе», «не привлекался», в оперативный штаб попали два уголовных дела со схожими приметами. Одно было из Гатчины, второе из Пушкина. Оба повисли в своих районах глухарями, и местное начальство было радо спихнуть их в центр.

В первом случае жертвой стал мужчина сорока шести лет, бывший десантник, ныне тренер рукопашного боя. Его тело было найдено на территории парка, на берегу небольшой речки. Причиной смерти стало утопление. Казалось бы – какие сходства с нынешним делом? А сходства было три. Вырванная страница из «Острова», тонкий, но глубокий разрез на скуле... и надругательство над трупом. У него были вырезаны гениталии. Странное сходство, конечно, вот только это придавало некий специфический окрас всему делу. Не каждый день или, допустим, месяц бывает такое, чтобы кого-то обескровили, как добычу на охоте, а перед этим жестоко надругались над телом здорового сильного человека.

Странностей в деле тоже хватало. Утопленник был найден у воды, однако одежда была абсолютно сухая. В легких обнаружили ил, тину и грязь, схожую с той, что была в воде у самого берега. Выходило так, что огромного мощного борца просто окунули головой в воду и держали так, пока он не захлебнулся. Кто мог быть на такое способен? Место преступления нашли сразу, тут же в пяти метрах от тела. Взрытая руками земля, следы от пальцев и ладоней, грязь под ногтями жертвы не вызывали сомнений. Отпечатков, следов, примет убийцы и свидетелей так же, как и в исходном случае, обнаружено не было.

Аккуратно сложенный листок был обнаружен в заднем кармане джинсов жертвы. На него не сразу обратили внимание, кровавое месиво застило глаза не только молодого следователя, но и нескольких экспертов.

Во втором случае была убита женщина неопределенного возраста без определенного места жительства. Документов при ней не обнаружили, установление личности провалилось, и покойница так и осталась безымянной. На вид ей было сильно за пятьдесят, хотя определить точнее из-за нездорового образа жизни и сильного разложения тела, не представлялось возможным. Страница книги была обнаружена зажатой в руке жертвы, вперемешку с мелкими бумажными купюрами. Она была повреждена настолько, что только начитанность эксперта, узнавшего текст по паре предложений, помогла сохранить важную улику.

Женщину обнаружил дворник, пожилой узбек, заглянувший в подвал заброшенного дома на окраине, с целью справить нужду. К тому моменту она пролежала там уже несколько дней, и вполне возможно лежала бы и дальше. Орудие убийства было обнаружено непосредственно в теле. Это была острая заточка, сделанная из большого треугольного напильника, заточенного на конце и загнанного в сердце по самую рукоятку, так, что острие его показалось с другой стороны.

И у этого трупа имелся небольшой отличительный знак, который загнал в суеверный ступор всех, кому довелось лицезреть труп. Была грубо выломана и отсутствовала нижняя челюсть. Черный, подверженный разложению язык болтался на шее чудовищным аксессуаром. Перед руководителем оперативного штаба Нимбергом встала непростая задача. Объявить, что все три случая – совпадение, или объединить их в одно дело.

Собственно, это и решалось сейчас за столом, на даче семейства Лариных, в пригороде Тосно. Результаты экспертизы Петр Григорьевич узнал по телефону, уже по дороге сюда. Процентом на восемьдесят, по заключению экспертов, можно было утверждать, что все три страницы из одной книги.

Попытки решить что бы то ни было на месте прекратились, когда закончилась первая бутылка. Дальше пошли воспоминания молодости, байки, рассуждения и сравнения опыта.

– Я не могу понять, что за человек способен одновременно убить молодую девчонку, старую бомжиху и накачанного амбала, – взгляд Нимберга был устремлен в одну точку. – В голове не укладывается.

Все промолчали. Даже Земцову было понятно, что убийца необычный. Он неплохо знал принципы работы правоохранительных органов. В основном все преступления раскрываются, когда определен мотив. Сыщики, в первую очередь ищут его. Мотив – это залог раскрытия. Конечно, немалую долю превозносят тайные сотрудники, они же стукачи, но их к делу не пришьешь и на допрос не вызовешь. Мотив в преступлении – основополагающий фактор.

Тем и сложны поиски серийного убийцы, особенно маньяка. Мотив ему не нужен. У его он свой, не подвластный человеческой логике. И если он никак не пересекается с криминалом в обычной жизни, а такое зачастую встречается, то оперативники остаются практически слепы и глухи. Все присутствующие это понимали. Молчание нарушил Алексей Николаевич Ларин.

– Петя, я все понимаю. Тайна следствия и все такое, но...

– Знаю, что ты хочешь спросить, Леша. Как ловить его будем? А вот на это ничего тебе не могу ответить. Потому что не знаю. Понимаешь, поимка маньяка – это лотерея. У него любой билет выигрышный, а у тебя один шанс из миллиона. И сколько он людей положит, пока ты его вытянешь? У нас не рассчитана система на поимку таких преступников. Знаешь, сколько их уже было? И до сих пор не придумали, как ловить. Вон, американцы в семидесятые годы создали целый отдел в ФБР, изучали их, допрашивали уже пойманных, деньги и время на это вбухали. И что? Как орешки щелкают, их ловят. Начальник отдела этот, даже книгу написал, не помню название...

– «Охотники за умами», – рискнул вставить свои две копейки Земцов.

– Во, точно! – ткнул в него пальцем Нимберг. – А мы? Поймали, сразу к стенке. Зачем изучать? У нас же нет преступности. Социализм! Развитой! – Он сокрушенно покачал головой. – Столько дураков у власти сидело, такую страну умудрились развалить. Ее ведь за семьдесят лет отстроили с нуля практически, в страшной войне человечества она победила, и снова расцвела после этого. А вот с внутренними врагами бороться не научилась. Идеалисты сидели у власти. Вон, Никита наш, Сергеевич, даже сроки установил, когда милиция последнего жулика поймают. И что? Кончились у нас жулики? Что уж про маньяков говорить. Не может в стране развитого социализма быть таких персонажей! А Хрущев сам контролировал милицию, когда Ионесяна ловили. Неужто ничего не дрогнуло в голове?

Петр Григорьевич замолчал, словно готовясь к исповеди. Никто не перебивал его и на кухне воцарилась звенящая тишина. Даже Марина, перестала возиться у раковины, повернулась и переводила взгляд с одного хмурого мужчины на другого.

– Знаете, как мы Чикатило ловили? – наконец проронил Нимберг. – Никак! Сети расставили и ждали. Двенадцать лет ждали. Он больше полусотни человек выпотрошил, это только доказанных. Детей, женщин. А мы ждали. Предпринимали, конечно, какие-то действия, психиатров приглашали, экспертов. Костоев, вон, даже в тюрьму к Анатолию Сливко на консультацию ездил, как к Ганнибалу Лектору в «Молчании ягнят». Что толку? Тот только руками развел, не поймаете, сказал. А попался Романыч к нам ведь в восемьдесят четвертом, три месяца просидел, а не смогли привязать его. Что там было, ошибка эксперта или у него что с группой крови было, уже и разберешь. Выпустили чудище на свободу. И дальше ждали. А он опять резать пошел. Да больше скажу, его в 78-м могли взять после первого убийства. Там и искать-то почти не надо было, все на виду. Нашли козла отпущения, расстреляли и успокоились. А через три года началось...

Не было еще операции, масштабнее «Лесополосы». Да и будет ли? Нужно было задуматься, ведь вся наша система показала свою несостоятельность на этом деле. Сколько людей посадили, одного расстреляли ни за что, – полковник вытер тыльной стороной ладони выступившие слезы. – Сколько зверей за то время расплодилось, – выставил перед собой обе руки и начал перечислять фамилии, для наглядности загибая пальцы.

Остальные молча смотрели на него. Эти фамилии знала наизусть вся страна. На восьмом загнутом пальце резкий звон посуды оборвал Нимберга на полуслове. Все взгляды устремились на побелевшего Максима. Тот смущенно откашлялся и поднял выпавшую из дрогнувшей руки рюмку.

– Макс, ты чего? – обеспокоенная Марина подошла и села рядом с ним.

Земцов убрал руки под стол, чтобы никто не видел подрагивающих пальцев и медленно обвел взглядом всех собравшихся...

Конец лета 1990-го года. Десятилетний Максим, скучая, прохаживался по перрону маленькой железнодорожной станции Перхушково. Уставший от длинной прогулки, отец присел на лавке у ограждения. Они выехали вместе на электричке, рано утром, чтобы побродить по лесу, поискать грибы, может быть искупаться. Максим, редко выбирающийся на природу, таскал отца по лесу весь день, и под вечер, Николай Тимофеевич, и так не выспавшийся из-за ночных кошмаров, уже не чувствовал под собой ног. Но, он был доволен – сын просто светился от радости. В это нелегкое для семьи, да и для всей страны время, такие минуты спокойствия и безмятежности были большой редкостью.

Направление прогулки они выбрали спонтанно. Сели в первый же автобус, который и довез их до Белорусского вокзала. Дальше на электричке они ехали до тех пор, пока у Земцова-младшего не кончилось терпение. Выйдя, они углубились в лес и бродили там до сумерек. Заблудиться не боялись – район густонаселенный, куда-нибудь да вышли бы. В лесу часто попадались старушки, бродящие с ведрами и корзинками.

До электрички было еще минут сорок, и Максим отпросился у отца прогуляться до ближайших коммерческих ларьков. Тот нехотя разрешил, велел ни с кем не разговаривать и сразу идти обратно.

Спустившись с платформы, мальчик развязным шагом направился вдоль дороги в сторону светящихся вдалеке витрин. На ходу он достал из кармана перочинный нож средних размеров, раскрыл его и принялся подбрасывать, стараясь, поймать за лезвие. Такой прием он видел в кино и загорелся желанием научиться так же.

Однако, вредная тяжелая железка не хотела слушаться, норовя выскользнуть из рук или рубануть остро отточенным клинком по пальцам. Один раз чуть не порезавшись, Максим с досады плюнул и уже собрался убрать нож, когда услышал:

– Осторожнее играть надо с ножом. Не порезался? Хорошая у тебя игрушка. Дай посмотреть.

Земцов обернулся. К нему подходил высокий, темноволосый мужчина, одетый в ветровку цвета хаки и черные штаны. В нос ударил резкий запах пота. В свете фонаря Максим хорошо разглядел мужчину. Спокойное выражение лица, уверенная походка. Мальчик не заметил, откуда он появился, словно материализовался в воздухе. С другой стороны дороги, на обочине, стоял неприметный «Жигуленок»-тройка бежевого цвета. Может быть, он сидел в нем?

Мужчина без интереса повертел в руках ножичек и, возвращая его, спросил:

– А чего ты тут с таким тесаком гуляешь, ограбить кого-то хочешь? – он указал взглядом на ларьки.

Земцову стало смешно. Он представил, как десятилетний шкет, как его называли взрослые, с трудом доставая до окошка, грабит ларек. В силу возраста, он не видел, как горят глаза у этого болтливого дядьки.

– Слушай, – тот перешел на заговорщицкий полусшепот, – я знаю одно место, где и правда, можно разжиться. Курево там, спирт. Только мне помощь нужна будет. Ты, вроде, парень смысленный, справишься.

Максима, словно, что-то кольнуло внутри. Спустя годы, он, размышляя об этом, пришел к выводу, что это был инстинкт самосохранения, который со временем и опытом, превратился в чуйку. Вряд ли бы какой-то мальчишка его характера, отказался бы от такого приключения. Вот только, Максим сразу подумал, что этот странный дядька неспроста позвал именно его.

– Давай, это быстро, смотри, я на колесах, – мужик, дружески улыбаясь, указал на «Жигули» – ты вообще один тут?

Земцов молча смотрел на него во все глаза. Чувство безотчетного страха, вынырнувшее непонятно откуда, все усиливалось. На дороге, как назло никого не было, ни людей, ни машин.

– Чего застыл-то? Пойдем, – мужчина, развернувшись, сделал два шага к своей машине и оглянулся, – или не хочешь?

– Мне домой надо. Меня родители ждут, – пискнул Максим, пятясь от него. Он вдруг, всем своим детским сознанием ощутил, что к этому человеку опасно поворачиваться спиной.

Человек не шел следом. Он стоял на месте и молчал, буравя мальчика глазами. Дружеской улыбки уже не было, на Максима смотрела холодная черная бездна. Это лицо врезалось в память десятилетнего ребенка на всю оставшуюся жизнь, как и сама встреча, каждое слово разговора. Не раз еще это воспоминание придет к Земцову в ночном кошмаре, пропитает холодным потом подушку, заставит вскрикнуть.

Пройдя спиной вперед метров тридцать, Земцов развернулся и бросился бежать к лестнице на платформу. Добежав, он рывком взлетел наверх, после чего, позволил себе обернуться.

Мужчины уже не было, машины тоже, лишь вдалеке мелькнули красным светом габариты, словно передавая прощальный привет.

Все оставшееся время до электрички Земцов не отошел от отца, в самом поезде он сидел, словно в воду опущенный, глядя в одну точку. Николай Тимофеевич заметил, как изменилось поведение сына, но списал это на усталость.

Мама, весь день прохозяйничав на кухне, встретила их накрытым столом. С ожиданием восторженного рассказа она посмотрела на сына. И изумилась, насколько тих и бледен он был. Под ее взглядом стушевался даже отец. Максиму ничего не оставалось, кроме как, рассказать об этом случае. Он старался говорить ровно и спокойно, но, видимо, не получилось. Глядя, как бледнея и хватаясь за сердце, рухнула на табуретку мать, как, посерев лицом, бросился к телефону отец, мальчик понял, что произошло нечто совсем не обычное и не хорошее.

Он так и не понял, что случилось с матерью, куда звонил отец на протяжении двух часов. Его насильно уложили спать, но Максим долго вслушивался в голоса за плотно закрытой дверью, силясь разобрать хоть слово.

Много позже Максим узнал, что звонил Николай Тимофеевич в милицию, долго пытался узнать номер прокуратуры города Одинцово. В конечном счете дозвонившись куда-то, он передал рассказ сына оперативнику, поднявшему трубку. Честный, до мозга костей, верный солдат государства, он собирался сам выехать в ночь на поиски, но прислушался к голосу разума и жены, остался дома.

Спустя день, в квартиру заявился вежливый оперативник в штатском, с целью допросить мальчика. Земцов без утайки, хоть и с удивлением, рассказал о человеке, предложившем совершить воровство, припомнил внешность, машину, хоть и не запомнил номер. Его изумило, что милиция отреагировала даже на неудачную попытку сговора о мелкой краже. Оперативник внимательно записал все в протокол, после чего удалился. На этом все и завершилось. Возможно, этот протокол хранится в огромном многотомном деле, оставившем след в мировой криминалистике. А возможно он был банально утерян в лихорадке государственных органов рушащейся некогда великой империи. А возможно, он был принят за глупую шутку и выброшен в корзину из-за нежелания тратить время на ерунду. Время, которого было впустую потрачено до безобразия много, на выходе дав преступнику лишь его кличку, которая, впрочем, стала страшилкой у маленьких москвичей, да и у больших – тоже. Максим так и не узнал в тот раз, кто же был этот человек, просто предложивший украсть сигарет и спирта, и почему его за это так усердно разыскивает милиция.

Он узнал это гораздо позже, через пять с лишним, лет, из «Криминальной России», сериала, ставшего главным ужасиком на всем постсоветском пространстве. Музыка его заставки, написанная виртуозом Назаруком, до сих пор наводит на людей ностальгический ужас. Земцов, увлекавшийся детективами, в то время не пропускал ни одного выпуска.

Лицо, мелькнувшее на экране в одной из серий, показалось ему удивительно знакомым. Хорошая тренированная память, покопавшись в своем архиве, услужливо подала требуемую информацию. Максим запомнил свои чувства в тот момент на всю жизнь. Уже порядком забытая загадка детства разрешилась, словно обухом по голове рубанула. По позвоночнику прокатилась волна ледяного ужаса, руки и ноги ослабли и онемели от мысли, чем могла закончиться та встреча на маленькой подмосковной станции далеким прохладным летним вечером 90-го года.

Мужчину звали Сергей Головкин. По оперативным сводкам он проходил как «Удав», народная молва прозвала «Фишер». Тот самый! Фишер, которым родители пугали непослушных детей, которым дети пугали друг друга, сидя у костра. Живая легенда и ужас ночных кошмаров, он наводил страх на жителей Москвы и Подмосковья в течение шести лет.

Его поймали в девяносто втором, двенадцатилетний Максим об этом ничего не знал. Прошло два года после памятной встречи, ребенок просто выкинул из головы непонятный эпизод и жил дальше. Он не догадывался, чем все могло для него закончиться.

Догадался только сидя перед телевизором, спустя еще три года, вглядываясь и вслушиваясь в признания маньяка. Головкин признался в одиннадцати убийствах, все его жертвы – мальчишки школьного возраста, от десяти до пятнадцати лет. Сколько жертв было на самом деле, не смог сказать никто.

Всех материалов дела за серию, меньше чем в полчаса длительностью, разумеется, не могли показать, но и имевшихся хватило. Когда с работы пришла уставшая мама, она увидела сына сидящим без движения перед черным экраном.

– Мам, а я ... – только и смог проговорить он.

Мама все поняла, сердце не обмануло. Рывком притянув к себе ребенка, она разрыдалась. Такими их и застал пришедший со службы Николай Тимофеевич. В тот вечер он постарел лет на десять. Осознание того, что Максим, отпросившись погулять на десять минут, мог исчезнуть навсегда, причем тогда, когда отец был рядом, надломило его сильнее, чем все военные раны, вместе взятые. Его никто не обвинял, но сам себя он простить так и не смог. Этот случай сплотил семью сильнее чем любое другое событие. Всегда ведь бывает, только с потерей люди начинают ценить. Николаю и Надежде повезло. Как не повезло многим другим.

Зверь больше не вышел из клетки. Его расстреляли, спустя год, в девяносто шестом. Он стал последним преступником, казненным в России, после чего в силу вступил мораторий.

Через года, уже став криминальным журналистом, Земцов снова вернулся на эту платформу. Он не узнал места, не смог найти тот фонарь, под которым они стояли. Все было иначе. Был и на конном заводе, где работал Головкин, у места, где когда-то стоял его гараж, в подвале которого приняли страшную смерть восемь маленьких детей. Восемь! Помимо троих, убитых в лесах. Это не может уложиться в голове!

Всю свою жизнь Максим запрещал себе думать, что мог стать девятым. Ко времени их встречи, кровавый зоотехник уже оборудовал свою пыточную в подвале гаража и переместил свои «развлечения» из леса в сырой и холодный каземат.

Как объяснял сам Головкин, он выбирал жертв среди детей, которых считал хулиганами, проверял это просто – предлагал совершить мелкое преступление. К отказавшимся детям он терял интерес, согласившихся же ждало нечто страшное. А какой подросток откажется от приключения?

В отделении полиции, куда Земцов пришел ни на что, не надеясь, действительно уже не было людей, работавших по делу «Удава». Уголовное дело из девяноста шести томов, он разумеется запрашивать не стал.

В памяти сохранилось и имя следователя – Евгения Бакина, работавшего с маньяком на «выводках». Один из истинных героев этой истории и профессионалов своего дела, как и многих ему подобных. Он смог говорить спокойно и твердо со зверем в человеческом обличье, хотя для этого нужна огромная сила – задавить в себе отвращение и ненависть к детоубийце. Это и есть профессионализм.

Земцов написал большую статью, пытаясь таким образом откупиться от воспоминаний или страха. Но, разумеется, не получилось. Тень высокого человека со спокойным лицом и дружеской улыбкой, осталась с ним. Она могла отдалиться или стать невидимой, но не могла оставить его совсем. Максим соприкоснулся с этим миром – миром безумия, страха, жестокости и всепоглощающего ужаса, не за себя, так за близких. Он знал, что этот мир уже не отпустит его, нет возможности вырваться из его цепких и липких лап. Но он так же знал, что, с одной стороны разрушая, а с другой, этот мир дает возможность подняться над страхом, противостоять ему. И если не победить, то хотя бы уравнивать шансы. Насколько, у него это получится, Максим тогда не знал, как не знал и сейчас.

Закончив говорить и вынырнув из воспоминаний, Максим вдруг резко ощутил сильную боль в руке. Оказывается, Марина неосознанно вцепилась ему в плечо с такой силой, что он не

смог бы и разжать пальцы. Ее глаза напоминали два аквариума, полные воды, но жена мужественно боролась со слезами, не желая по-бабьи разреветься прямо за столом. Земцов высвободил руку, приобнял Марину, она уткнулась ему лицом в шею и всхлипнула.

Сидящие напротив менты были, как один, мрачнее тучи. Молчание, как ни странно, не было тягостным. Рассказ Максима в каждом пробудил какие-то свои эмоции и мысли. Их нужно было обдумать не спеша.

– Да, дела-а! – шумно втянув воздух, протянул Нимберг. – Эка как бывает-то!

Он твердой рукой разлил водку по рюмкам, даже Марина протянула свою, после чего встал. Все последовали его примеру.

– Эту я хочу выпить за то, – начал Петр Григорьевич абсолютно трезвым голосом, – чтобы ни одна мерзкая гадина, ни один выродок рода человеческого, больше не смог подобраться ни к вам, – он взглянул на Максима с Мариной, – ни вообще, к твоей семье, Алексей Николаевич, – взгляд на товарища, – и к тебе тоже, Кира! – пихнув в бок Андрея, он поднял рюмку.

Все чокнулись, выпили. Рассаживаясь, услышали, как затрезвонил телефон Нимберга. Взглянув на экран, тот извинился и вышел из-за стола. Его не было минут пять. Вернувшись, Петр Григорьевич обвел всех осоловевшим взглядом, остановил его на Кириллове.

– Случилось что-то, товарищ полковник? – тот заерзал на стуле.

– Андрей, собирайся, нам пора. Машина уже подъехала. Жду на улице, – Нимберг кивнул оставшимся и быстро вышел. Ларин поднялся и направился следом. В окошко было видно, как мерцают в темноте две зажженные сигареты. Полковники переговаривались на полутонах, поминутно оглядываясь по сторонам.

Кириллов тоже поднялся, попрощался со всеми, пока не видит начальство махнул на посошок, обещал Земцову позвонить сразу, как появится время и, накидывая куртку, пошел за Нимбергом к машине.

К стоящему на крыльце Максиму подошел Ларин, прикуривая уже вторую.

– Чего их так выдернули? Случилось что? – спросил Земцов.

– Случилось... – Ларин хотел промолчать, но, словно мысленно махнул рукой и продолжил, – из семи регионов разом ответы на запрос пришли.

– Какие ответы?

– О похожих делах. С общей составляющей. Вырванная страница... Тридцать восемь дел. И это только начало...

Глава 5

Приятный полумрак, легкая ненавязчивая музыка, изысканная еда, первосортная выпивка, и красивая женщина напротив. Любой мужчина хотел бы сейчас поменяться с ним местами. Кидзиро бросил взгляд на часы.

Зал дорогого ресторана был многолюден, что неудивительно для вечера пятницы. Солидные дяденьки и тетеньки восседали за столами, поглощали пищу и алкоголь, переговаривались, иногда смеялись и были все на одно лицо.

Его спутница, Аркадия Левенсон была здесь как рыба в воде. Он терпеливо ждал, пока она со всеми поздоровалась, раскивалась и разулыбалась. В эти моменты ее лицо, с уже явственно видными морщинами, с которыми не справлялся дорогой крем, превращалось в маску, сливаясь с общей массой посетителей. Так хамелеон, подстраиваясь под окружающую среду меняет цвет. В ресторан они попали тоже по ее записи, в списке метрдотеля значилось «Левенсон +1». Кидзиро настоял на том, чтобы она выбирала ресторан, в целях конспирации, разумеется.

Он представился ей, как Юрий, помощник заместителя олигарха Ланского, пообещав поделиться историей убийства его дочери. Все держалось в строжайшей тайне, по крайней мере, он об этом просил. Хотя знал, что такая персона, как Аркадия Левенсон – не самый подходящий для этого кандидат. Многочисленные скандалы были частью ее профессии, или даже нескольких. Но на то были свои причины.

В миру она, Ария Левкова, тридцати девяти лет от роду, работала на телевидении редактором новостной хроники и была почти всегда на виду у публики. Не чуралась появлений во второсортных попсовых передачах, политических и общественных мероприятиях, как-то засветилась в реалити-шоу с баснословным рейтингом, словом, строила из себя настоящую светскую львицу. В газетах и Интернете часто появлялись ее высказывания, впрочем, не отличавшиеся глубокими познаниями или работой мысли. Она вела передачу на местном канале, приглашая известных людей города. Задавала вопросы, слушала с умным видом ответы. Сама же, всеми правдами и неправдами, всю свою карьеру старалась быть интеллектуальным критиком. С переменным успехом. Одна из первых обзавелась своим психотренингом и в деньгах, надо понимать, не нуждалась. Однако, оставалась завидной невестой вот уже ближайшие лет десять, катаясь с многочисленными бойфрендами в Монако, на Сейшелы, светя постепенно увядающим лицом и тратя на показ неприличные суммы. Даже сейчас, сидя напротив Кидзиро, была в образе, томно и снисходительно поглядывая на него, роняя изредка колкие замечания. Снисходительно разрешив перейти на «ты», она тем не менее не выходила из образа женщины у ног которой весь мир.

Кидзиро же сыпал неловкими показными комплементами, рассказывал что-то не сильно интересное, просто чтобы тянуть время, и внимательно ее разглядывал. Его взгляд она расценивала, как похотливый, вероятно, с легкой улыбкой решая, обломится кавалеру что-нибудь или можно повременить с этим. Ей было невдомек, что потирание рук, покашливание, разглядывание, вызвано далеко не смущением перед ней, и не желанием овладеть.

– Юрий, может быть мы уже перейдем к сути дела? – вопрос был ожидаем, и означал, что спектакль из двух актов начался. Это была странная игра, начавшаяся два дня назад по телефону, где обе стороны словно бы сгорая от страсти, договаривались о важной, судьбоносной для них встрече.

– Ну что ж, раз настаиваешь, – он отпил из бокала и начал, – речь идет о неких документах, проливающих свет на убийство Натальи Ланской. Все не так прозаично, как может показаться на первый взгляд. В силу некоторых политических и общественных моментов, было при-

нято решение опубликовать их именно на вашем... твоем канале. И твоя кандидатура, Ария, была выбрана неслучайно, – Левенсон поморщилась, она терпеть не могла свое настоящее имя.

– Можешь хотя бы вкратце рассказать, что это за документы?

– К сожалению, нет. Я не владею всей информацией, да и не уполномочен распространяться о ней. Я всего лишь прислан сделать предложение и сопроводить в определенное место, где и произойдет основной разговор. По его итогам и будет решено подходит ли твоя кандидатура.

– Ты сказал много, но не сказал ничего. Юра, – она резко вскинулась, – тебе не надо со мной играть, я уже не девочка...

– Я и не собираюсь, – развел как можно искреннее руками Кидзиро, – говорю лишь то, что велено.

– Ладно, допустим. Кто эти люди? Что это за место, куда мы поедем?

– Это пока все, что я могу тебе рассказать, все остальное сможешь узнать только после согласия на переговоры.

Он видел, что она клянула, дело оставалось за малым. Демонстративно взглянул на часы и достал телефон.

– Я вынужден звонить сейчас и передать ответ. Прости мне мою хитрость, что не оставил времени подумать. Конечно, ты вправе отказаться, у нас есть еще варианты, кому можно предоставить информацию.

Последняя фраза, как он и ожидал, подстегнула Аркадию Левенсон, словно бичом. Она даже подпрыгнула на стуле, желая выхватить у него телефон, но вовремя опомнилась.

– А ты, Юрий, заядлый интриган! Ладно, я согласна, давай расплачиваться и поехали в ваше секретное место.

Кидзиро позвал официанта и попросил счет. Краем глаза он наблюдал, как Аркадия допивает вино из своего бокала.

– Юрий, у тебя пятно на рубашке! – провозгласила Аркадия на весь зал, вставая из-за стола. – Экий ты ... свин! – пьяно покачиваясь, женщина направилась к выходу. Она не видела, как Кидзиро осматривает сначала белоснежную, без единого пятнышка, рубашку, а затем переводит взгляд на ладони, на которых остались кровоточащие следы от ногтей, после того как он разжал кулаки.

– Хрк!

Кидзиро вздрогнул. Твою мать, он опять забыл о нем! А меж тем его спутник все еще стоял на входе в зал, покачиваясь на тонких кривых розовых ножках. Мелкие глазки-бусинки насмешливо буравили Кидзиро, не оставляя его ни на секунду. Невозможно было разглядеть под пятачком, улыбается он или нет, он никогда не видел рта.

– Не хрюкай! – процедил Кидзиро чуть слышно, проходя мимо него. Метрдотель, стоящий чуть поодаль все же услышал эти слова и удивленно посмотрел вслед человеку, так странно и аляповато одетому. Но, он одернул себя, его привела сама Левенсон, и раз ее не смущает вид спутника, значит это не его холуйское дело.

На улице, придерживая Левенсон за руку, Кидзиро неспешно повернул в сторону стоянки, где посреди роскошных тачек посетителей ресторана, стоял, ничем себя не выделяя, его «Гелендваген».

– Я такая пьяная! – глупо хихикала светская львица, – Мужчина, куда вы меня ведете?

Кидзиро промолчал. Он улыбнулся швейцару, получил кивок солидарности и аккуратно, но твердо продолжал вести Аркадию к машине.

Остановившись перед открытой дверцей, Левенсон развернулась к нему лицом и неожиданно заявила:

– И все-таки, где это место? Хватит ненужных тайн! Либо говори, либо я иду ловить такси!

– Что ж, сюрприза не будет, для встречи заказан люкс в «Астории». Отсюда ехать минут десять. Теперь ты довольна?

– М-м-м, «Астория», – протянула Аркадия, – это там, где убили Есенина?

– Именно, прошу, – сделал приглашающий жест в машину Кидзиро.

Хихикнув, Левенсон забралась в машину и спустя минуту они выехали со стоянки. Теперь Кидзиро, наконец, смог перевести дух. Записей с камер наблюдения он не опасался, пусть менты потом ищут высокого широкоплечего блондина в дымчатых старомодных очках и шляпе. Свидетели тоже навряд ли запомнили хоть что-то в его внешности, кроме цветастого, не в тему костюму, галстука. Кидзиро умел раскрасить себя под кого угодно. Обладая заурядной физиономией, он мог превратиться и в серого неказистого мужичка, и в истинного арийца, и в неформала-наркомана, было бы желание.

– Странный выбор для помощника олигарха, – Аркадия провела рукой по приборной доске. – Или он тебе не так уж много платит?

– Это машина отца, – буркнул Кидзиро, в очередной раз бросив взгляд на часы и вслушиваясь в посвистывание под капотом.

– А ты? Безлошадный? Эх, мужчины... А все туда же.

Он промолчал, заметив, как Левенсон зябко поежилась и протянула ладони к работающей печке. Удовлетворенно кивнул, все шло по плану. Спустя еще пару минут, не доезжая пары кварталов до Малой Морской улицы, он развернулся и поехал в обратном направлении.

– Ты чего, Юра? Забыл что-то? – подала голос со своего места Ария. Она выглядела осунувшейся и сонной, но глаза при этом пылали удивлением.

– Планы поменялись, – бросил Кидзиро. Убрав одну руку с руля, он снял очки, стянул с головы белесый парик, швырнул их на заднее сидение. Оттуда сразу же донеслось раздраженное хрюканье. Остановки машины и работников ДПС он не боялся.

– Какие планы? Юра что ты делаешь...

– Заткни... тесь!

Это словно бы проговорил десятилетний мальчик. Голос треснул, рассыпался ворохом сломанных колокольчиков, которым не суждено вновь зазвонить. Запал вышел, словно закончилась заводка у механической игрушки. За рулем сидел некто... другой. Маска медленно сползала с лица. Робкая заискивающая улыбка тронула губы.

– Повелись... Вы все ведетесь. Привыкли к ... к уверенности. А мозгов совсем не осталось...

– Что-о!? Что ты несешь? Что тебе надо? Кто ты? Куда мы... – ее голос слабел, вялыми движениями она пыталась плотнее закутаться в свою дубленку, не понимая, что не может.

– Знаете почему вас морозит? – улыбка стала шире, буквально исказила лицо Кидзиро на секунду. – Ни за что не догадаетесь. Это специальный состав, на основе паралитика. Двигаться не сможете, зато чувствовать будешь...те все. А едем мы в одно укромное место, где узнаем друг друга получше. А потом вам нужно будет передать послание. Вы же журналистка, вы же несете новости миру. Теперь передадите мою новость, самую главную...

Ария ничего не отвечала, откинув голову на подголовник сидения, она сверлила его взглядом. Он бросил на нее один взгляд, второй, потом весело засмеялся.

– Знаете, вы – мерзкая, поганая, лживая, двуличная сука! – колокольчики гремели, звук голоса был самой настоящей какофонией, словно это было неестественно для него – пользоваться голосом. – Что вы сделали хорошего за всю свою жизнь? Вы кого-нибудь сделали счастливым? Не слышу... Нет? Вы только разбиваете судьбы, идете по головам, все средства для вас хороши. И чего вы добились? А? Что у вас есть к сорока годам? Стоило только пальцем поманить, побежала как собачонка на встречу непонятно с кем, за свежую новость готова даже

ноги раздвинуть. Этого всю жизнь добивались? Поздравляю! Кто заплачет, когда вас не станет? Недоделанный рэпер? Или вы уже разбежались? Извини...те пожалуйста, я не слежу. А может кто-то из бесконечных пахарей, сколько их у те...вас было? Думала – лучше всех, а я говно? Лыбишься мне из телека, какую-то хрень мелешь, а в душе презираешь. Не человек я для тебя, холуй, унтерменш, низшая раса, сброд, помой, – каждое слово он вколачивал словно гвоздь в крышку гроба. – Ха-ха-ха! Ты еще не поняла? Меня нет! Нет! Нету меня... Поняла? Ха-ха-ха! Скоро поймешь. Поймешь, что...

Женщина сидела со стеклянными глазами и только по мелкому шевелению губ было понятно, что она еще жива.

– Вы ответите за все, за все свои блядские поступки! А-а-а-х-х... Передо мной ответишь... сука! – Кидзиро разошелся, он не понимал, что несет чушь, звук собственного голоса придавал ему сил. «Ты» и «вы» смешались, он уже не поворачивал головы на пленницу. Поросянок на заднем сиденье весело вторил ему своим хрюканьем. – Ты меня благодарить должна, так как ты уйдешь, еще никто не уходил, Х-х-а-а-а... твои снимки будут во всех газетах, на каждом сайте новостей. Ты прославишься сначала на всю страну, а потом и на весь мир... У-х-х...

Он почувствовал, сто начинает задыхаться, напрягая связки, уже не обращая внимания на спутницу, притихшую на сиденье рядом. Черный тонированный «Гелик» рассекал черноту ночи, приближаясь к окраине города.

Глава 6

Старший лейтенант Маргарита Осокина, склонившись над уголовным делом, сосредоточенно наматывала локон волос на палец и все чаще кидала откровенные взгляды на сидящего напротив, через кабинет, Кириллова. Тот казалось, не замечал ничего вокруг себя, сидел, погруженный в свои древние бумаги. Бледный, не выспавшийся, но тем не менее сосредоточенный и серьезный, он был окутан ореолом таинственности и являл живое воплощение рыцаря в плаще и с кинжалом. И неважно, что вместо плаща был помятый черный пиджак, а кинжал заменял, естественно, табельный «макаров».

Последняя неделя выдалась для их маленького оперативного штаба особенно тяжелой. Со многих областей страны приходили ответы на ориентировку. Не самые, надо сказать, радужные. Тридцать восемь дел, копий дел и выписок легли на стол Андрея Кириллова. Тридцать восемь убийств. Все они, при детальном рассмотрении, сходились только в найденных в вещах жертв вырванных листков из одной книги.

Хотя, сейчас это уже не имело никакого смысла. Прodelанный в четыре лица гигантский объем работ уплыл из-под носа, обещав напоследок стать плюсом в чьей-нибудь карьере.

Осокина вздохнула, ну ничего мужики не понимают, легко вспорхнула со стула и подхватив папку с делом, пересекла кабинет.

– Андрей, я конечно все понимаю...

– Андреевич, – Кириллов еще иногда напоминал ей, что является ее временным начальником.

– Хорошо, Андрей Андреевич, я все понимаю, – Осокина закатила свои изумрудные глаза, – но если вы вдруг решили передумать о нашей договоренности, неплохо было бы поставить в известность и меня...

– Я ни о чем не передумал, – рассеянно поднял голову Кира. – С чего ты взяла?

– С того, что нам уже надо собираться, – она выглядела немного надутой. – Вы за временем совсем не следите?

Коротко бросив взгляд на часы, Кириллов встал.

– Что ж, Маргарита, ты права, личную жизнь еще никто не отменял. Собираемся.

Просияв лицом, Осокина развернулась и покачивая бедрами, вернулась к столу. Глядя на нее, Андрей неуловимо покачал головой. Совсем девчонка в любовь заигралась. Ее постоянные намеки, неловкие ухаживания, вгонявшие его в ступор, а порой и раздражавшие, наконец, возымели результат. Кириллов все-таки согласился на свидание, правда пока что на двойное. Специально для этого он уломал Земцова с женой составить им компанию. Немало удивив их при этом своей робостью. Непотопляемый ловелас Кириллов, по словам Марины, выглядел, как напуганный школьник. Андрей и сам не понимал, как же он относится к не в меру пылкой стажерке. В ней было что-то, что не мог распознать ни опытный бабник, ни настолько же опытный мент. Наверно поэтому он и согласился на столь же неловкое, как и ухаживания, предложение «сходить куда-нибудь». А с другой стороны, Осокина его заслужила. Выбрав не самую женскую профессию и попав в этот опер-штаб, она ни разу не пожаловавшись тянула лямку наравне с матерыми операми, дышала архивной пылью, проводила допросы, писала бумаги, причем часто и за себя, и за Кириллова с Трофимовым.

К служебным романам Андрею было не привыкать, свою тактику он давно выработал и знал, что делать. Настроив себя на лиричный лад, он убрал дела в сейф, накинул пуховик и галантно подав Маргарите руку, вместе с ней покинул кабинет.

В ожидании второй пары, семья Земцовых сидела в небольшом, но уютном полуподвальном кафе, наслаждаясь коктейлями. Отдав дочку Марининым родителям, они пришли пораньше, чтобы немного побыть вдвоем.

Максим, забившись в мягкий угол диванчика прямо под окном, за которым по асфальту бил холодный осенний дождь, с улыбкой наблюдал за женой. Та сосредоточенно тянула через трубочку сладкую тягучую смесь и была так увлечена, что не замечала вообще ничего.

– Хочешь еще? – спросил он, когда она закончила. Марина выдула и свой и его коктейль и сейчас грустно рассматривала остатки пены на дне стакана.

– Да! – широко улыбаясь, она кивнула. Заплетенные в две косички белые, как бумага волосы, лежали на плечах и делали ее похожей на выпускницу старших классов, пришедшую в кафе вместе со своим молодым человеком.

Земцов встал и тихо напевая «м-м-м, восьмиклассница-а-а» направился к стойке бара. Заказав еще молочный коктейль, он пошептался с барменом и, вернувшись, поставил на стол два новых стакана. Моментально схватив один, жена откинулась на спинку дивана.

Негромко играющая из колонок музыка, приглушенный свет создавали интимную обстановку и каждый из немногих посетителей кафе, словно находился в своем отдельном эфемерном мирке. Вот играющая композиция кончилась, началась следующая, и Марина удивленно и хитро вскинула глаза на мужа. Группа «Nazareth» затянула свою бессмертную «Love hurts». Ее любимую песню. Отставив стакан, она стала покачивать головой в такт мелодии, тихо подпевая. Перебравшись поближе, Максим прижал Марину к себе поцеловал в висок.

Последние два года выдались трудными. Рождение ребенка меняет жизнь раз и навсегда. Молодые родители перестали высыпаться, правильно питаться и еще во многом себя ограничили. Но это ничуть их не волновало. Счастливее себя они представить не могли. Максим свое отцовство воспринимал, как ему казалось, немного не так. Он никогда не слышал рассказов мужчин, о том, как они стали отцами. Нет, безусловно были байки о том, как все пять дней счастливый папаша беспробудно пил, как будто на всю оставшуюся жизнь, как из-за пьянки забывал встретить жену на выписку. Все это было. Не было эмоций. Не с чем было сравнить свои. Навряд ли они сильно отличались от других, ведь ситуация в принципе схожа. А с другой стороны... Максима очень долго занимало чувство правильности. Что он все делает, как надо. И как результат, он не последний в своем роду, дальше тоже будет, точно что-то будет.

Полгода назад Марина вернулась на работу в детскую поликлинику, Софья Максимовна отправилась в ясли, и жизнь постепенно стала входить в русло семейного быта. Но такие минуты наедине остались редкостью и ценились.

Последние аккорды песни совпали с тихим звоном колокольчика над входной дверью. Этот звук лишь ненадолго нарушил атмосферу зала. Каждый столик, вздрогнув, вновь погрузился в свой мирок. А столик Марины и Максима принял еще двух посетителей.

– Давно сидите? – спросил Кира, помогая спутнице снять пальто. – Знакомьтесь – Маргарита. А это Макс и Марина Алексеевна.

– Хам ты, Кириллов! Еще бы сказал «тетя Марина»! – возмутилась такому представлению Земцова.

– Дочь начальника, пусть и бывшего – только так! – заявил Андрей, вешая и свою куртку.

Вся эта шутильная перебранка разрядила возможное напряжение от знакомства с новым человеком, и усаживаясь, Осокина уже улыбалась во все тридцать два.

– Можно просто Рита. А вы – Марина и Максим, договорились?

Подошедшая официантка записала заказы и удалилась. Неспешный разговор на общие темы потек непринужденно и спокойно. Казалось, эта компания собирается не впервые. Шутки, взаимные подколки, байки, но каждый, даже Марина, знал, чем он закончится. Пока что не приближался к теме расследования. Пока.

Рассказывая о работе в поликлинике, Марина украдкой, но с интересом рассматривала Маргариту, то и дело бросающую взгляды на Андрея. Это вызывало у нее легкую улыбку, которую понимали все, кроме стажерки. Закоренелый, практически монолитный, холостяк Кириллов откровенно сдавал позиции перед молоденькой и на первый взгляд неопытной девушкой. Однако, про себя чета Земцовых сделала определенный вывод – не так уж она проста, как хочет казаться.

Разговор о серийнике спровоцировала именно Осокина. Когда на столе стали появляться приборы, Рита вкрадчиво попросила Марину вместе сходить помыть руки. Мысленно улыбаясь, Земцова встала. Усадив на место подорвавшегося с ними Андрея, девушки, хихикая ушли в конец зала.

Проводив их укоризненным взглядом, Кира повернулся обратно и встретился глазами с Земцовым.

– Ладно, Андрюха, чего откладывать, как там у вас? Меня редактор ожидаемо на это дело подписал, просвети уж немного.

Андрей пожевал губу, собрался с духом и мыслями.

– А дела у нас больше нет. Ты наверно слышал, что случилось с Александром Витальевичем?

– Ланским? На лечении в Европе, в Швейцарии, вроде.

– Был.

– Да ладно? Он, что...

– Жив пока. Состояние ухудшилось, лежит в искусственной коме. Делами своими рулить уже не может.

– И что? Есть же совет директоров. Они не могут? Жена опять же.

– Слишком многое, как мне сказали, на него лично завязано. Он свое предприятие с нуля поднимал и организовывал его под себя. Совет директоров чисто формальный, все решения всегда оставались за ним. Нынешняя жена на пару лет старше дочери, что она со своей Ибицы порешать сможет? Вот и выходит, что пока олигарх выбыл из игры, его империя может пойти прахом. А это уже угроза экономике страны.

– И кто же у вас дело забрал? Чекисты?

– Именно. Вчера в обед приезжает к нам незапланированная делегация человек в тридцать, тормозит работу отдела, изымает дела, жесткие диски, ну и так далее.

– Что-нибудь объяснили? Кажется, уже поздно махать кулаками. Даже, если они сейчас найдут убийцу, что изменится. У Ланского шансов сейчас 50 на 50 и поправляться он будет независимо от хода расследования.

– Думаю, 70 на 30. А так, без понятия. Наверно, как всегда, кто-то выслуживается. Да уже и неважно. У них возможностей больше, не в пример нашим. Как обычно скажут, что хилое МВД опять мышей не ловит. Пока новые, точнее старые дела в наш отдел приходят, мы еще формально вместе работаем, а на деле нам уже руки связали.

– Круто. Слушай, Кир, а по самому делу какую-то информацию можно публиковать или «фейсы» уже все засекретили?

– Не знаю, Макс, вроде какой-то режим вводили, только, по-моему, бестолку. Инфы уже море ушло, даже по ящику крутили. А пока собирают пресс-конференцию в ближайшие дни. Там тебе уж карты в руки.

– Пресс-конференцию? Прессовать будут? Ха-ха. Прямо реалити-шоу «Поймай маньяка!»

– Не говори.

– Ладно, все это очень интересно, а про само дело что можешь рассказать?

– Знаешь, Максим, это дело может войти в учебники криминалистики. Я с таким еще не сталкивался. Первое, что могу сказать – мы, кажется, открыли серию подлиннее, чем у

Чикатило или Сливко. На данный момент уже пришло тридцать восемь дел. А сколько еще придет? Все – убийства. Но, представь, разные. По сути, эти дела объединяет только вырванная страничка из книги. Из «Острова» этого. Эксперты утверждают, что книга одна и та же. У меня в голове не укладывается, как это возможно. Выходит, какой-то чудик ездит по стране, валит людей разными способами, и зачем-то оставляет на телах страницы. Может, даже не один чудик, может у них организация. Из дел почерпнуть вообще нечего. Просто приходят папки с «глухарями», в которых обычная бесполезная макулатура.

– Тридцать восемь эпизодов?

– На сегодняшний день, да. Завтра, может еще парочку подкинут. Или десяток. Я уже ничему не удивлюсь.

Если по времени рассматривать, первое дело датируется декабрем 89-го. Не помню точно дату. Самое интересное, в Москве. Мужика зарезали в лесочке. С виду, обычная бытовуха. Алкоголь в крови, да и сам синяк. Место преступления – лесопарк загаженный, бутылки, окурки, мусор, грязища. Да никто, видимо, и не старался следы искать. Так, еще какого-то алкаша поймали, так он даже до суда не дожил, склеился в камере от инсульта. Дело списали.

– Прикольно. А как тебе из архива его нашли-то? Неужто запомнили?

– Да если бы. У них там в архиве сейчас проверки, реорганизации, херней в общем страдают, старые дела перелопачивают. И тут наш запрос как раз. А им что? Лишнюю макулатуру спихнуть, милое дело. А нам тут потом е..кхм...

– Да ладно тебе, Кир, где наша не пропадала.

– Не говори. Убиенному, кстати, листы так же в рот затолкали, аж восемь штук, подряд вырваны.

– Закусить, что ли?

– Очень смешно! А говорят, что менты – злобные циники, – смерив Земцова укоризненным взглядом, Андрей продолжил. – А потом книга вместе с этим уродом отправилась в путешествие. Следующие города – Пермь, Новосибирск, Иркутск, Новороссийск, как ни странно, снова Пермь и так далее. Иногда повторяется, иногда новые места. Даже из Владивостока копия пришла, из Челябинска.

– Да, помотала жизнь, – Максим задумчиво скосил глаза в сторону, что не укрылось от Кириллова.

– Ты чего, Макс?

– Продолжай, Кир, я слушаю, – Земцов достал телефон и, хмурясь, принялся водить по экрану пальцем.

– А чего продолжать? В Питере нашли только одно дело, в 94-м, не считая нынешних.

– Что за дело? – на секунду оторвался от экрана Земцов.

– Дедушку в метро на заточку посадили. Страничку аккуратно сложили и в карман положили. Сидит себе старичок и сидит на лавочке, никуда не едет. Полдня просидел. Дежурная по станции подошла спросить, может плохо стало. А он уже задубел весь. А тут как раз «Игры доброй воли» на носу. Всю городскую милицию так трясли, вот дело и запомнилось.

– Смотри, – Земцов протянул другу телефон с открытой веб-страницей.

– Что это? – тот взгляделся. – История написания «Острова»? Я читал уже, видел... Подожди-ка. Первое издание в России. 89-й.

– Я так понимаю, именно этот год эксперты и определили? – осведомился Максим.

– Ну да. Так это что получается? Наш маньяк приобрел книгу и тут же начал убивать и оставлять послания? Так? – Андрей в задумчивости почесал затылок.

– Может и так. А может, он убивал и до этого, только послания были другие, а может их и не было.

Повисла тягостная пауза. Мужчины смотрели друг на друга, пораженные внезапным озарением. Первым условную тишину нарушил Кириллов.

– Выходит, серия может оказаться куда длиннее, и сколько в ней жертв, мы наврядли узнаем.

– Либо, узнаете, когда поймаете, – проговорил Земцов.

– Ты сам то в это веришь? – Опер начал заводится. – Он убивает около тридцати лет, а мы только сейчас всяки в серию догадались сложить. Кого искать? Кого опрашивать? Или прикажешь все архивы по стране перерыть. «Все менты и фээсбешники страны, объединяйтесь на поимку маньяка!». Макс, мы в полной заднице.

– Не драматизируй. Того же Сливко 25 лет ловили. Нашли же.

– Да его и не искал никто! А он и не прятался! Там не рыть по всему Союзу надо было, а голову включить. Он своих же воспитанников убивал, а менты в носу ковырялись. Да чего толку сейчас говорить, мы не знаем той ситуации. И у нас она сейчас совсем другая.

– Мальчики, чего приуныли? – вернувшиеся дамы уселись за столик.

Марина внимательно посмотрела на озадаченного Максима. В глазах мелькнула тревога. Земцов поспешил ободряюще улыбнуться. Он знал, о чем подумала жена. Периодически ловил на себе такие взгляды. Тяжелое нервное расстройство от пережитого во время «беспорядков» в Москве еще долго давало о себе знать. Но, транквилизаторы и сильное успокоительное, в сочетании с волевым характером, помогли ему вынырнуть из этого омута. Однако, Марина все еще оставалась настороже, сильно переживая даже когда ему снились кошмары.

Обстановку, как мог сгладил Кириллов.

– Макс, давай о деле в другой раз, не будем пугать Марину подробностями. Ты вот, как самый образованный, расскажи нам или конкретно дремучему мне, кто такой есть А. И. Долженицын? Мое незнание, конечно, позорно, но я стремлюсь.

– Ну, с чего бы начать? – Земцов провел рукой по лицу. – Алексей Иванович Долженицын, отечественный писатель, поэт, историк, драматург и публицист. Да, еще, разумеется, философ и политический деятель. Во время Великой Отечественной, будучи офицером, был арестован за переписку со своими знакомыми, осужден на восемь лет лагерей и отправился на стройки народного хозяйства.

– Первый раз слышу, чтобы кого-то посадили за переписку, – вмешалась Маргарита.

– Не просто переписка. Критика власти, мысли о ее свержении, тем более во время войны, тем более офицером. Это серьезно! Как по мне, Алексей Иванович еще легко отделался. В своем бессмертном произведении он пишет, что суды-тройки всем без исключения давали срока, кратные пяти. Десять, пятнадцать, двадцать пять лет. Ему самому каким-то непостижимым образом дали восемь. То, как он сидел – это тайна, покрытая мраком. Сам он в «Острове» не очень об этом распространяется, да и то что рассказывает, как-то не вызывает доверия.

В какой-то момент ему удастся выдать себя за физика-ядерщика, после чего благополучно переезжает в «шарашку», место, безусловно, более спокойное. Там и дожидается конца срока.

Сильно обидевшись за время отсидки на всю советскую власть в целом и на Иосифа Виссарионовича в частности, вскоре начинает сочинять свой легендарный «Остров Гулаг». Спустя несколько лет он издается за границей, кажется во Франции. Конечно, такого плевок в сторону ненавистного всему миру Союза не могли не заметить. И с тех пор «Остров» стал, пожалуй, самой популярной книгой по истории в период, кажется с 1914 по 1956 годы. Вполне может потягаться по популярности с самим Шерлоком. А сам же автор стал неполживым светочем правды, доброты, ненависти к советскому строю и вообще к одной шестой части суши.

– Я так понимаю, ты прочитал полностью это произведение? – дождавшись кивка Максима, Маргарита продолжила: – И ты не сильно с ним согласен, судя по сарказму в твоих словах?

– Ты увидела суть, – улыбнулся Земцов, – для меня «Остров» – это набор баек, слухов, сказок, выдумок самого автора, которые спорят с логикой, здравым смыслом, учебником исто-

рии, а зачастую и сами с собой. И я такой не один, нас много. Но если учесть, что «Остров» собираются или уже изучают в школах, мы пока в меньшинстве.

– Знаешь, Макс, – Марина хитро усмехнулась, – это может быть даже хорошо, – глядя, как удивленно все на нее уставились, она продолжила: – Дети и подростки смолodu возненавидят «Остров», как, в принципе, и любое произведение из школьной программы.

Мужская половина компании дружно засмеялась. Логика в словах Марины определенно прослеживалась и это даже настроенного на лиричный лад Земцова развеселило.

– Ладно, – отсмеявшись, заявил Кириллов, – не будем о грустном, о политике и о грустной политике. Вспомнил один случай. Откинулся как-то один мой «крестничек», в смысле, которого я в «Кресты» определил, вернулся из Сибири в Питер...

Вечер продолжался. Правда из романтической встречи он превратился в ментовские посиделки, но это уже никого не смущало. Языки, что у Киры, что у Максима, были подвешены что надо, и нехорошее начало разговора было вскоре забыто. Милицейские байки, хохмы, анекдоты мешались с лиричными историями, обсуждениями и никто не чувствовал себя неловко.

Маргарита рассказала о себе. Она была не местной, переехала в Питер к отцу около года назад. Где ее мать, она грустно умолчала, и никто не стал пробовать спросить ее об этом. Закончила новгородскую высшую школу полиции, но решив не терять связь с отцом, переехала в Питер, где и решила работать. Максим с Мариной обратили внимание, как, узнав о школе полиции, по-новому взглянул на Осокину Андрей. Переглянувшись они одновременно приснули, введя в замешательство вторую пару.

Время неуклонно приближалось к полуночи. В очередной раз посмотрев на часы, Земцов переглянулся с женой и с сожалением заявил, что нужно собираться по домам. Никакого алкоголя на этот раз они не заказывали, пьяных разгулов не намечалось, поэтому, расплатившись, они чинно, парами, под руку, покинули уютное заведение.

Кириллов выехал со стоянки первым, моргнув на прощание фарами и скрылся в черноте ночи. Максим стоял возле своего верного «Субарика», задумчиво разглядывая воду канала сквозь перила. Марина уже забралась в машину и так же сосредоточенно разглядывала себя в зеркальце из косметички.

Что-то нехорошее творилось у него на душе. Какое-то предчувствие не давало покоя. И он не мог понять, что с ним случилось. Прошло буквально пять минут и хорошее настроение буквально ухнуло в пропасть. Проснулась ли это чуйка или же отголосок нервного срыва, было непонятно.

Уже по дороге к дому Марина нарушила царившее в машине молчание.

– Ты, когда про Долженицына рассказывал, я вспомнила, хотела рассказать, а потом из головы вылетело.

– Я весь во внимании! – Земцов улыбнулся, скосив глаза на жену. Ему нравилось ее слушать. Легкий и своеобразный питерский юморок она могла передать, как актриса со сцены. Так одесситы рассказывают еврейские анекдоты. Поставленная речь и начитанность, она могла бы составить ему конкуренцию в писательстве.

– Я еще когда в медицинском училась, был у нас курс психиатрии, и вот пару семестров его вел приходящий преподаватель. Профессор с Пряжки. Такой невысокий, старенький дедушка. Рассказывал так, что заслушаешься. Очень любил байки про больных рассказывать...

– А как же врачебная тайна?

– Так он имен не называл. Ну, как не называл? Наполеоны, Ленины, Троцкие, Буши, Клинтонны – это же псевдонимы. Творческие. Ха- ха. Так вот, как-то у него спросили, а кто еще бывает? Этих-то все знают, они на слуху, а бывают более изобретательные на выдумку психи? Профессор минут пять перечислял. Всякие фараоны, короли, принцессы, полководцы, поэты, писатели. И вот он рассказывает, что сам от кого-то слышал, правда-неправда, не знаю,

не ручался, работал тогда в психушке где-то под Уфой один молодой психиатр, и лечился в той психушке мужичок один. Маленький такой, худенький. Ну и при знакомстве представился Алексеем Ивановичем Долженицыным. Он там лежал уже, когда врач устроился только работать. Ну и приписали ему пациента. Он им всем тогда легким казался. Мужичок хоть и буйный, но мыслит связно, где-то даже умные мысли выдает. Все повторял, что книгу напишет. Диагностировали ему тогда нервный срыв на фоне амнезии, ну и лечили, как полагается. Как на людей перестал кидаться, ему справку в зубы – гуляй. С памятью мы ничего сделать не можем, повезет – сама восстановится.

– Это как? Справку на имя Долженицына?

– Представляешь, да! Это где-то в конце 60-х было. Настоящего Алексея Иваныча еще не знали, ну как, не все поголовно знали. А у этого мужика документов нет, а представляется так. Разбираться не стали, наверно, поверили. Тогда же людей на произвол судьбы не бросали, выправили документ какой-никакой, типа справки об освобождении и отпустили.

– Нормально так! – усмехнулся Земцов. – Хочешь сменить имя – ляг в психушку.

– Вот наш препод и смеялся, когда рассказывал. Неужто, говорит, настоящего Долженицына лечили, вылечили и отпустили с миром.

– Да нет, настоящий в это время свой «Остров» за бугром дописывал, – Максим хмуро посмотрел в зеркало заднего вида. – А может это он людей валит и сувениры оставляет?

– Кто? – не поняла Марина.

– Ну псих этот без документов.

– Да ну, ты чего Макс? – Марина выглядела ошарашенной, на секунду задумалась. – Нет, не может быть, это когда было? Больше полувека назад. Ему уже под девяносто должно быть, если и жив еще.

– И до такого возраста доживают, – проговорил Земцов, снова взглянув в зеркало. – Интересная история! Как бы мне с твоим профессором поговорить?

– А никак ты с ним уже не поговоришь, – грустно вздохнула Марина.

Максим все понял. Повисла пауза. Оторвав руку от руля, он притянул к себе жену, поцеловал в висок. Это был их ритуал при езде на машине, неизменно поднимающий настроение обоим.

– На дорогу смотри, – привычно легко и ласково оттолкнула его жена. – Макс, чего ты там увидел? – в очередной раз уловив его взгляд в зеркало, Марина извернулась на сиденье, посмотрела назад.

Метрах в пятидесяти позади были видны фары едущего автомобиля. Марина беззвучно хмыкнула. Тот не делал попыток приблизиться или свернуть, все так же спокойно ехал следом. Разглядеть марку или тем более номера не представлялось возможным, но Марина внимательно вглядывалась в высокий угловатый силуэт машины. Вдруг что-то неприятное кольнуло ее изнутри. Понятное дело, иномарка, угнаться за Максимом по пустой трассе на отечественной – та еще задачка. Ничего более не разглядев, она уселась обратно, попыталась загасить внезапное волнение.

– Ладно, Макс. Питер давно уже не самый бандитский. Ему просто по пути. Куда мы вообще едем? Ты его сбросить пытаешься, петляешь как заяц? Или в детстве в шпионов не наигрался?

– Да и сейчас не особо хочется, – отозвался Земцов, в очередной раз заглядывая в зеркальце. – Держись-ка крепче.

Мельком взглянув и убедившись, что Марина пристегнута, он, пользуясь пустынною дороги заложил крутой вираж, объезжая в нарушение всех правил острый угол дома-утога. Проехав в этом направлении около сотни метров, он сбросил скорость, всматриваясь назад. Марина вновь извернулась на сиденье, уставилась туда же.

Несколько секунд спустя в поле зрения вновь возник преследователь. Теперь с полной уверенностью его можно было так назвать. Не будучи таким асом-водителем, как преследуемый, он не рассчитал скорость и угол захода в поворот, вследствие чего чуть не протаранил стоящую у дороги машину. Резко затормозил, сдал назад, выворачивая руль.

– Он правда за нами?! – округлив глаза, испуганно вскрикнула Марина.

– Не бойся Маринка, сейчас он умоется! – в словах Максима лязгнул металл.

Стремительно стартовав с места, Земцов не стал ждать, пока неумеха сзади справится с управлением. Сделав несколько поворотов, он резко свернул, загоня машину через арку в один из «колодцев». Быстро и точно припарковав послушного «Субарика» параллельно стене, он выскочил на улицу, обежал капот, рванул пассажирскую дверь.

– Быстрее, Маришка, вылезай.

Выпрыгивая из теплого салона, она заметила в его руке зажатый травмат. Когда Максим успел его вытащить из тайника, Марина не помнила. Быстро пробежав по темному колодцу метров двадцать, они нырнули в ближайшую парадную, в предбаннике прижались к стене и друг к другу. Прислушались. Тишина не была звенящей. Где-то работал телевизор, из-за тонких дверей слышались голоса жильцов. Обычный дом жил своей обычной жизнью. Исправно горели лампочки, у входа на лестницу и пролетом выше. Ощущения, что они оказались в темном, глухом и мрачном подъезде «Улиц разбитых фонарей» так и не появилось. Но и звуков присутствия кого-то в подъезде тоже не было. С улицы не доносилось вообще ничего. Ни шума двигателя, ни стука шагов, ни шороха каких-либо действий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.